

Crime & private

Анна Данилова

Черное платье на десерт

«Автор»

Данилова А.

Черное платье на десерт / А. Данилова — «Автор», — (Crime & private)

ISBN 5-04-004308-2

Чудовищный и необъяснимый способ расправы с ограбленными и убитыми бизнесменами заставил Екатерину и Изольду, следователей прокуратуры по особо важным делам, провести не одну бессонную ночь. И везде – от Москвы до побережья Черного моря – незадолго до гибели жертв видели в обществе прелестной светловолосой девушки, одетой в экстравагантные и необычные платья. Города, где были совершены убийства, таинственным образом совпадают с маршрутом гастролей цирка лилипутов. Эта тонкая ниточка, за которую удалось ухватиться следователям, была лишь началом запутанного клубка злодеяний, родившихся в воспаленном мозгу прекрасной преступницы...

ISBN 5-04-004308-2

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анна Данилова Черное платье на десерт

Автор благодарит консультанта Виталия Вахидова.

Дорогой милый Миша!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности в
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

Глава 1

– Говорите, разбились насмерть? – Изольда Хлуднева, старший следователь по особо важным делам областной прокуратуры, положила телефонную трубку, которую слушала около пяти минут, не проронив ни звука, после чего выплеснула остатки кофе в корзину с бумагами и зажала только что выбитую щелчком из новой пачки сигарету между зубами. Прикурила от золотой зажигалки. – Выезжаем!

Залитая солнечным светом Набережная шелестела нежной майской листвой, а с Волги тянуло свежестью и тонким рыбным духом. На гранитных розовых ступенях, ведущих от летнего кинотеатра к пристани, рядом с которой высился сверкающий на солнце массив гостиницы «Братислава», лежало тело, прикрытое белой прямоугольной простыней. Проступившая сквозь ткань кровь уже успела подсохнуть, когда Изольда вышла из машины и бодрым шагом спустилась к погибшей.

– Уберите простынку! – приказала она приехавшему с ней оперу Вадиму Чашину и только после этого привычным движением сняла черные очки. Сощурилась, глядя на распротертое перед ней тело, обтянутое ярким, канареечно-желтым шелковым платьем с черной каймой по краям. Залитые кровью неестественно вывернутые ноги и раскинутые руки. Длинные накладные волосы были забраны в высокий конский хвост и теперь веером рассыпались вокруг бледного, в кровоподтеках лица с размазанной на губах помадой и явно накладными ресницами.

– Странно, почему она босая? – Изольда раздавила подошвой узкой туфли окурок и сунула в рот новую сигарету. – Думаю, она прилетела сюда из гостиничного номера... Бедняжка...

* * *

Я хорошо помню тот пасмурный майский день, когда началось это безумие, – сначала шел холодный скупой дождь, а потом вдруг выпало немного снега... Я увидела этого мужчину сквозь стекло купейного окна, когда он, ежась от холодного ветра с дождем и снегом, покупал сигареты у какой-то женщины на станции. В черном плаще, бледный, с грустным лицом, он приковал мой взгляд настолько, что, когда поезд тронулся и женщина с сигаретами на лотке заскользила назад, сама я, подавшись вперед, чуть не свалила со столика стакан с минералкой... До этого момента я ехала в купе одна, возвращалась с моря – пристанища ленивых эпикурейцев, разочарованных в русской зиме с ее холодами и морозами (к сонмищу которых причисляла себя с самого рождения и нисколько не стыдилась этого). Там я много спала, дышала на довольно безлюдном в это время года черноморском пляже свежим соленым воздухом и читала.

Представьте мое удивление, когда мужчина в черном плаще заглянул в купе – а ведь я была уверена, что он остался где-то на перроне.

– Можно?

Я пожалала плечами: как будто от меня что-то зависело. У него есть билет, стало быть, дальнейший путь мы продолжим вместе. Проводница уже через пять минут после появления нового пассажира принесла в купе сразу два стакана горячего чая с лимоном.

– Газет свежих хотите? – спросила она, с удовольствием, как мне показалось, разглядывая моего попутчика.

Он отказался, снял плащ, оставшись во всем темном, джинсовом, выпил чаю, а второй стакан придвинул ко мне:

– А это вам.

Я молчала, чтобы он не подумал, что я жажду завязать с ним дорожную, пошлую беседу. Молча кивнув, я отпила несколько глотков. Пожалуй, это было самым ярким событием того вечера, поскольку, покончив со своим чаем, мужчина забрался на верхнюю полку и уснул. А утром мы приехали в С., вышли из поезда и, пожелав друг другу всего хорошего, сели в разные такси и разъехались в противоположные стороны.

Мы могли бы больше никогда не встретиться, и тогда ничего бы не произошло... Но тем же вечером в ночном клубе «Ротонда», куда я заглянула, чтобы повидаться с друзьями, я снова увидела моего попутчика.

Он сидел спиной ко мне в самом дальнем углу тускло освещенного желтоватым светом бара и пил. Его одинокая темная фигура вызвала во мне трепет, а к щекам прилила кровь, как если бы мне стало стыдно за собственные мысли. Я уже не слышала, что говорили мне мои соседи по столику, по поводу чего так громко смеялись; мне хотелось одного: покинуть это шумное заведение с гремящей музыкой, толпой танцующих распаренных девиц в мини-юбках и прозрачных блузках и бритоголовых юнцов с серьгами в оттопыренных ушах, и оказаться на свежем воздухе, в синих сумерках уходящего дня. Но только с ним, с тем единственным мужчиной, присутствие которого заставило мою кровь закипеть в жилах... Это было не известное мною прежде чувство, о котором я так много слышала и которого ждала, чтобы упиться этим любовным ядом, а уж потом – будь что будет. Я полюбила этого мужчину, его бледное лицо под копной темных спутанных волос, грустные глаза, низкий бархатный голос и его руки с длинными красивыми пальцами, которые видела всего лишь несколько раз еще там, в поезде, когда он снимал с себя плащ...

Внезапно я словно оглохла – все звуки бара превратились в густое звуковое желе, которое отделило меня от внешнего мира, я даже не слышала, кто из моих подвыпивших друзей просил меня остаться, не замечала, кто пытался удержать за рукав... Я решила выйти одна на темную улицу, где, на мое счастье, уже перестал идти дождь и было удивительно тепло.

Ждать, когда следом за мной выйдет ОН, было глупо. Мне ничего не оставалось, как побрести по тускло освещенному бульвару в сторону стоянки такси, чтобы добраться домой и позвонить Изольде, своей тетке. Только она была способна выбить из моей головы смурь и привести мои мысли в относительный порядок. Моя мать уехала с отчимом в Африку в какую-то зоологическую экспедицию и обещала вернуться лишь к зиме. Я скучала по ней, писала и отправляла им, в их африканское пекло, письма, которые, как мне всегда казалось, не доходили до них – сгорали в жарком, огненном воздухе... Изольда, мамина сестра, опекала меня и подкармливала, когда я спускала все присланные мамочкой доллары на нелепые путешествия и выходы...

«Ротонда» находилась на Набережной, в самом ее цветущем и красивом месте, возле отреставрированной белоснежной каменной беседки с белыми колоннами – приютом влюбленных. Я тоже целовалась в ней когда-то с мальчишками, но это было очень давно. Сейчас же, освещенная со всех сторон прожекторами, эта беседка – поистине архитектурный шедевр – казалась сотканной из жесткого белого кружева и была чудо как хороша. Не желая привлечь к себе внимание празднующегося вокруг бара молодняка, я спустилась по гранитным ступеням к воде, посидела немного на каменном, теплом, прогретом дневным солнцем парапете (и куда делась непогода, ветер и утренний дождь со снегом?!), после чего стала подниматься вверх, к основной аллее, казавшейся и вовсе праздничной из-за светящихся разноцветными огнями витрин бара и ресторана, расположенных на первом этаже гостиницы «Братислава». Как вдруг увидела на ступенях нечто странное – коряво нарисованный жирным белым мелом силуэт. Так, я видела в кино, фиксируют положение трупа – небрежно и грубо, словно отделяя мелом мертвое от живого.

Белая меловая линия только издали казалась силуэтом, а вблизи я поняла, что она дро-
жится по трем ступеням, как если бы тело лежало поперек лестницы.

Не помню, как я оказалась на верхней смотровой площадке. Зубы мои стучали. Мне
показалось, что за мной кто-то идет, и этот кто-то, наверно, пришел сюда, чтобы еще раз взгля-
нуть на место, где он накануне убил свою жертву... Ведь убийцы всегда возвращаются туда,
где совершили преступление...

Маленькая тень скользнула по парапету, кто-то, похожий на черное юркое животное, –
должно быть, подросток, которого затошнило от выпитого пива, смешанного в желудке с деше-
вым вином, – нырнул в кусты – и оттуда донеслись характерные звуки...

Я кинулась к палатке, торгующей пивом и сигаретами, чтобы уже оттуда, по ярко осве-
щенной улице, добраться до стоянки, как вдруг услышала:

– Не бойся...

Медленно поворачивая голову, я, счастливая, уже знала, кому принадлежит этот голос.

– Не бойся, не убегай, это просто мальчишка...

А я уже ничего не боялась. В голову ударила теплая пьяная волна, и я, охваченная сла-
достным ожиданием, смотрела, как мужчина, который несколько минут назад скучал в баре,
не подозревая о моем существовании, медленно подходит ко мне.

– Привет, ты не узнаешь меня?

– В купе... – выдавила я из себя первое, что пришло в голову. – Вы ехали со мной в
одном купе.

– Варнава.

– Не поняла...

– Имя у меня такое – Варнава.

Он смеялся надо мной заранее, словно давал понять, как он ко мне относится и что может
себе позволить со мной в дальнейшем.

– Конкордия, – тоже как можно серьезнее представилась я.

– Да нет, я не шутил...

– Тогда Валентина.

– Я могу вас проводить. Здесь полно пьяных.

И мы медленно двинулись в сторону речного порта.

– Какое у вас странное имя... Варнава. Так сразу и не запомнишь.

– А вы и не запоминайте. Куда вас отвезти? – Мы уже приблизились к стоянке такси, и
к нам подошли двое водителей.

– На Ильинскую площадь, – сказала я, все еще не веря своему счастью. Ведь я назвала
свой адрес, а не Изольдин. Зачем ему знать, где живет моя тетка. Хотя приглашать его в гости
вот так сразу я тоже пока не собиралась. Мне было интересно, как станет складываться все само
собой помимо моей воли. Все и сложилось. Быстро, словно мозаика в детском калейдоскопе,
набитом цветными стеклышками: утром я проснулась в его постели.

Большая квартира с множеством просторных прохладных пустующих комнат, где из
мебели лишь в спальне с зеркальными стенами стояла огромная кровать да в дальней комнате –
большой шкаф, в котором я нашла несколько женских платьев и коробки с туфлями. В ванной
комнате также обнаружили следы пребывания женщины, причем женщины, ни в чем себе не
отказывающей... Каждая вещь таила энергетику хозяйки, начиная от деревянной щетки для
волос и кончая обтянутыми парчой сверкающими туфельками в шкафу.

Варнавы не было, он оставил записку: «У меня кончился кофе».

Я всегда подозревала, что мужчины сделаны из качественно другого материала, нежели
женщины. Неужели он подумал, что чашка кофе может заменить мне его присутствие, его
утренний нежный поцелуй?.. Но он ушел, растворился в гудящем рассветном городе, в его
магазинах, улицах и светофорах... Другое дело, что я за время его отсутствия успела осмотреть

квартиру. Это доставило мне если не удовольствие, то хотя бы позволило сделать кое-какие выводы относительно личной жизни Варнавы. Судя по уровню жизни, представленному здесь скудной, хотя и дорогой мебелью да кое-какими бытовыми вещами, купленными в магазине Дюпона, мой новый любовник ни в чем не нуждался. Разве что в женской ласке. Его драгоценная возлюбленная либо бросила его, либо он сам расстался с ней, не выдержав конкуренции с ее остальными любовниками – женщина, носящая такие открытые и стильные платья, которые не шли у меня из головы, и пользующаяся вместо нафталина пачулями, этой ароматнейшей индийской травкой, которой благоухали ее вещи, не могла ограничить свою интимную жизнь одним мужчиной. Это была шикарная женщина, ревность к которой у меня уже переходила все границы, когда вернулся Варнава.

– Мне не нужен твой кофе, – встретила я его словами, которые сами, словно черные бабочки, слетели с моих губ и растворились в моей ненависти к неизвестной мне сопернице. – Я и имя-то твое успела забыть, не говоря об остальном. Тебя бросили, и ты решил утешиться мною...

Я заготовила еще много слов, они так и теснились в моей голове и сердце, возникая из раненой души и поднимаясь к самому горлу, но Варнава прижал меня к себе и поцеловал. Это был не утренний нежный поцелуй, которого я так жаждала, едва открыв глаза и вспомнив, что натворила... Это был жадный и страстный поцелуй мужчины, провожающего свою женщину на смерть. Ни больше – ни меньше.

– Ее больше нет, – шептал он хрипло в перерыве между поцелуями и яростно сжимал мои плечи, чтобы вновь и вновь впиться губами в губы, – ее больше нет... Ты прости меня, но ты права, и рана моя глубока... Очень глубока.

Я вырвалась из его безумных и сильных рук и закрыла рот ладонью – мне не нужны были его поцелуи, реанимированные страстью к другой женщине. Они не принадлежали мне, как не принадлежал мне и этот мужчина. Я разрыдалась.

* * *

– Может, это его прозвище? – предположила Изольда, выслушав мой отчаянный и слезливый рассказ, когда я приехала к ней в прокуратуру и, рухнув там на стул, уронила голову на руки и затряслась, как дешевая актриса-инженю на пробах. – Варнава. Никогда прежде не слышала такого имени. Слушай, птица ты моя бескрылая и безмозглая, тебе что, моих рассказов мало? Значит, ты подцепила его в «Ротонде» и поехала, как идиотка, к нему домой? В первый же вечер? А ты знаешь, что именно возле «Ротонды», прямо на лестнице, ведущей на смотровую площадку, вчера утром нашли труп молодой женщины... На, смотри...

С этими словами Изольда достала из ящика письменного стола папку и швырнула ее мне. Из нее выскользнули большие цветные снимки: труп женщины в желтом платье, заснятый в разных ракурсах. И много крови, очень много крови. Особенно впечатляюще выглядела белая простыня, пропитанная красным...

– Ее что, изнасиловали? – спросила я, потому что навряд ли такую красивую женщину могли убить, предварительно не насладившись ее телом. Во всяком случае, такой вывод я сделала, исходя из моего знакомства, пусть и поверхностного, с практикой Изольды. У нее было очень много дел, связанных с убийствами. Женщин, как правило, перед тем, как убить, насиловали. Мужчины удовлетворяли таким образом свою первобытную сущность. Быть может, поэтому моя тетка испытывала жгучую неприязнь к существам мужского пола и жила в гордом одиночестве, находя удовольствие лишь в хороших сигаретах, качественной водке и общении с моей семьей. Она даже не любила тратить деньги – не ходила по магазинам, не покупала себе ничего НЕфункционального, за что мы с мамой всегда ее ругали и безуспешно пытались сделать из нее нормальную жизнелюбивую женщину.

– Нет, ее, похоже, сбросили из окна гостиницы или она выбросилась сама, пока еще мы не знаем. Сейчас главное для нас – это установить личность потерпевшей. Представь себе – она жила до последнего момента, вплоть до удара о гранит... И мужчина, который с ней это совершил (а я уверена, что убийца – мужчина), был ее возлюбленным, ты только посмотри, как несчастная накрашена и одета. В таком виде ходят только на свидания. Мы ждем, может, поступит заявление об исчезновении... Кроме того, ведется работа в «Братиславе», уверена, там ее видели и знают. Другое дело, что после ее гибели мало кто захочет давать какие-либо показания. Кстати, хотела тебя спросить, сейчас что, в моде такие платья? Я хоть и не спец, но мне кажется, что такой фасон был в моде лет пятьдесят тому назад. А вот почему она босая – вообще не понимаю. Разве что туфельки слетели во время полета... Или же их надо искать в одном из номеров гостиницы.

– Я почему-то уверена, что она не сама выбросилась из окна, ей наверняка помогли...

– Пока ничего конкретного сказать не могу... – задумчиво откликнулась Изольда, после чего вернулась к вопросу о платье: – Так что ты думаешь относительно ее странного и вызывающего наряда?

Но я не могла говорить. Перед моими глазами стоял Варнава, я даже видела его шевелящиеся губы, а потом видение поплыло, и откуда-то появился раскрытый шкаф с женскими платьями. Мне показалось, что среди них было такое же платье, желтое с черной каймой. Или у меня что-то с головой.

– Это несовременное платье, немодное. Но красивое, стильное...

Мне стало нехорошо. Я вдруг почувствовала себя свиньей. Разве можно было уезжать от него, когда он находился в таком состоянии? У него умерла любимая девушка, а я разоралась, устроила скандал и даже демонстративно пошла в ванную комнату, чтобы смыть со своего лица поцелуй Варнавы, предварительно с отвращением в голосе известив его об этом. Мне не было прощения.

– Я не сказала тебе самого главного – у него умерла девушка.

– Кто? У кого? – Изольда посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, поскольку вдруг оказалось, что я в эту минуту меньше всего думаю о погибшей, фотографии которой все еще находились у меня в руках. – Господи, это ты все про своего ненормального, как его... Варнаву? Боже мой, ну и имечко...

– ...И он набросился на меня и стал целовать. А я повела себя как идиотка. Убежала. Что мне теперь делать?

– Сиди себе дома, продолжай изучать английский и напиши письмо родителям (она и отчима считала моим родителем, кстати, вполне справедливо). Вот приедут они осенью, отдохнут месяциком, а потом поедете туда уже вместе.

Изольда имела в виду исполнение моей давней мечты – участие в маминой экспедиции в качестве оператора. Знание английского языка Изольда считала непременным условием вхождения во взрослую жизнь, хотя сама она могла произнести на английском всего пару-тройку слов типа «o'key» и «all right».

– Я же серьезно... Ты что, не понимаешь, он нужен мне, со мной случилось несчастье, я...

Я не могла в этих казенных стенах произнести слово «любовь». Слишком уж затасканным оно было и могло прозвучать пошло. Но как мне объяснить Изольде, что при имени Варнавы у меня подкашиваются ноги, что я должна его увидеть, должна быть рядом с ним...

– Хочешь взглянуть на платье? – вдруг спросила меня тетка и, раскурив очередную сигарету, повернулась к сейфу и загремела ключами. Через минуту на соседнем столе уже лежало желтое окровавленное платье.

– Этот материал называется твил, он очень хорош в носке, – меланхолично произнесла я, продолжая шмыгать носом. – Его можно купить сейчас в каждом магазине. Он не мнется и хорошо стирается. Даже кровь отойдет, если постараться. Это я к тому, что платье хоть и

старомодного фасона, а сшито в наше время. Оно почти новое. Ты не могла бы мне дать один снимок, чтобы я кое-что проверила...

Я не собиралась пока говорить ей о своем предположении, что уже видела сегодня похожее платье, – решила повременить.

– Мне кажется, что у меня есть журнал с этим фасоном... – с легкостью соврала я.

Изольда, этот бронтозавр в юбке, нисколько не смущаясь, протянула мне один из самых кровавых снимков, где голова мертвой женщины была дана крупным планом... Предчувствие ледяным комом подкатило к сердцу и откатило, оставив холод и страх. Страх, что я больше никогда не увижу Варнаву.

– Поезжай домой, хорошенько поешь и обязательно прими свои таблетки – не хватало тебе только принести в подоле... Я же отвечаю за тебя, птичка. И выпипись, на тебе лица нет. А ходить в «Ротонду» не советую. Я знаю, что ты меня не слушаешь, ты взрослая девочка, тебе скоро двадцать три, за плечами университет... Но я же не виновата, что у тебя ума как не было, так и нет...

Она чмокнула меня в щеку, приобняла.

Я любила Изольду почти так же сильно, как маму.

* * *

Вадим Чашин, заглянув в кабинет Хлудневой, расплылся в улыбке:

– Приветствую вас, Изольда Павловна...

– Ты, я вижу, сияешь как медный грош. Нашел убийцу? – Она устало улыбнулась и предложила Чашину кофе. – Пей, у меня полный термос... Рассказывай, не томи...

– Да нет, убийцу я пока не нашел. Да и вообще не уверен, что этот убийца существует. Главное, что, как мне кажется, я выяснил личность погибшей. Ее зовут Вера Холодкова.

– Проститутка?

Вадим развел руками.

– Так я и знала. Едва увидела это дурацкое платье, накладные ресницы, ее прическу, так почему-то сразу подумала, что она из ночных бабочек. Да и Желтков звонил, – Изольда имела в виду судмедэксперта, – сказал, что у девушки печень ни к черту, вся разрушена, что пила она как сапожник, курила, ну и все такое...

– Ее опознали по фотографии практически все работники «Братиславы», включая горничных, с которыми она была на короткой ноге, и все, как один, утверждали, что на Вере было явно чужое платье, во всяком случае, это – не в ее стиле...

– Вадим! Какой еще стиль?! О чем ты? Разве у таких девиц вообще может быть свой стиль?..

– Напрасно вы так, Изольда Павловна, ведь каждая женщина одевается по-своему, даже проститутка. И мне показалось, что это замечание свидетельниц о стиле – весьма ценное. Заметьте, у Веры Холодковой свои волосы были короткими, – Вадим провел ребром ладони чуть пониже своего уха, – а хвост себе прицепила, словно они у нее длинные. Спрашивается, зачем это ей понадобилось?

– Так им же по штату положено держать себя в форме, время от времени менять внешность, следить за собой... – презрительно хмыкнула Изольда, и по ее внешнему виду было нетрудно догадаться, что об убитой у нее уже успело сложиться определенное мнение.

– В том-то и дело, что раньше она никогда не пользовалась этим хвостом, а носила прическу, которую можно было назвать скорее «растрепанный мальчик» (так охарактеризовала ее администраторша), а одевалась Вера вполне современно, предпочитала темные цвета, облегчающие платье, да и вообще считалась одной из самых дорогих девушек в гостинице...

– И это при том, что она пила?.. Кстати, ты не хочешь встретиться с Иконниковым? – осторожно, чтобы случайным словом не свести на нет работу Вадима, спросила Изольда, намекая на то, что встреча с профессионалом – человеком, который занимается исключительно проститутками и является главной фигурой в местной полиции нравов, – была бы нелишней.

– Я звонил ему, и он обещал перезвонить вам, чтобы поконкретнее договориться о встрече, ведь Иконников может рассказать вам о Вере куда больше моего... Я вкратце изложил ему факты, и мне показалось, что он совершенно не удивился, узнав, что Вера закончила жизнь таким вот образом...

– Она, случайно, не наркоманка? Хотя Желтков наверняка сказал бы мне об этом... – задумчиво произнесла Изольда.

– Кажется, нет, но Иконников, повторяю, знает о ней больше, чем я. А пока могу сообщить только то, что Вера Холодкова в последнее время появлялась в «Братиславе» довольно редко и что только за последний год у нее появилась машина – подержанный «Форд», – шуба из чернубурки, бриллианты...

– Это все рассказала тебе администраторша? Интересно, сколько Вера платила этой даме за то, чтобы ее впускали в гостиницу?.. Ну да ладно... Бог с ними, они сами выбрали эту дорогу. Но девушку все равно жаль.

– Извините меня, Изольда Павловна, но я опять про стиль... Вы же сами заметили, что на Холодковой было необычное платье, какие сейчас не носят, да и прическа была странноватая...

– Вадим, к чему ты клонишь?

– А к тому, что все это было надето на ней НЕ СЛУЧАЙНО. Навряд ли Вера встала утром и подумала: «А почему бы мне не сшить себе идиотское платье?»

– Оно вовсе и не идиотское...

– ...и не изменить прическу? Думаю, что за всем этим кроется причина, раскрыть которую, я надеюсь, мне помогут все, кто знал Холодкову...

– Вот и займись этим, хотя мне кажется, что она сама выпрыгнула в окно, как это делают многие наркоманы...

Они поговорили еще немного, наметили план действий, и, лишь когда Вадим ушел, Изольда снова, в который уже раз, поймала себя на том, что слишком уж откровенно выдала свои чувства по отношению к совершенно незнакомой ей особе, заслуживающей, быть может, и более снисходительного отношения к себе уже по той причине, что ее нет в живых...

Чертова раздражительность! Изольда порой едва сдерживала себя, чтобы не сорваться на милого симпатягу Чашина, не считая других своих коллег из угро и прокуратуры, и все из-за того, что ночь она спала беспокойно, если вообще спала... Нервы? Быть может. Хотя раздражительность могла быть вызвана не столько самой бессонницей, сколько причиной, по которой эта коварная злодейка нахально поселилась в ее доме.

Ночь в тихой большой квартире наполнилась тревожными мыслями, которые, словно обретая реальные очертания, металась по стенам синими зигзагообразными тенями, разрываемыми на части всполохами света от уличных фонарей. В такие минуты Изольда, обняв колени и вся сжавшись, сидела на постели с широко раскрытыми глазами и смотрела в одну точку, пытаясь сосредоточиться и понять, что же все-таки с ней происходит, откуда эта душевная дисгармония, внутренний страх перед чем-то неизвестным, живущим рядом с ней и мешающим нормальной жизни. Безусловно, работа, тяжелая и требующая неимоверного нервного напряжения, играла в этом пограничном с депрессией состоянии не последнюю роль, но при анализе прошедшего дня, который черно-белой хроникой прокручивался в мозгу, не возникало того леденящего душу ужаса, накатывающего на нее, какой вызывали события, относящиеся, казалось бы, к совершенно другой сфере ее жизни...

Почему-то, находясь на грани сна и яви, ей все чаще и чаще рисовалась в воображении детская песочница, мимо которой она проходила каждый день, но которая именно в дневные

часы не производила на нее никакого впечатления. А вот по ночам, мучаясь бессонницей, Изольда представляла себе играющих там детей и даже слышала, как ей казалось, их нежные воркующие голоса и смех. Быть может, все дело было в материнском инстинкте, оказавшемся по воле судьбы не востребовавшимся?..

А однажды произошло событие, и вовсе испугавшее ее. Как ей показалось, оно несло в себе элемент чуть ли не мистики. В дверь квартиры Изольды позвонила женщина и сказала, что дочь Изольды засыпала песком глаза ее дочери... Незнакомка громко обвиняла Изольду, что та не следит за своим ребенком и ее девочка может в результате этой шалости с песком остаться без глаз. Самое удивительное в этом происшествии заключалось в том, что Изольда, у которой никогда не было детей и уже, наверное, не могло быть, вдруг поверила этой женщине и пошла за ней, чтобы взглянуть на девочку, которую приняли за ее дочь. Но выйти из подъезда она так и не осмелилась, вдруг резко остановилась, посмотрела в глаза продолжавшей шуметь женщине и, покраснев и страшно смутившись, сказала, что у нее нет детей и что та спутала ее с кем-то...

Возможно, случись такое с другой женщиной, не так болезненно воспринимающей все связанное с темой материнства или самой успевшей стать матерью, та отнеслась бы этому нелепому недоразумению совершенно спокойно. Что же касается Изольды, то ей подобные ситуации казались знаками, на которые невозможно было не обратить внимания. Да и как можно было, скажем, остаться равнодушной ей, закомплексованной донельзя бездетной женщине, когда на ее имя вдруг откуда ни возьмись приходят посылки с детскими вещами? И ни письма, ни обратного адреса, ничего, что могло бы пролить свет на эти странные факты. Сначала ползунки с детским питанием и сосками, затем какие-то игрушки и свитеры, а потом и вовсе ботиночки на меху...

...Раздался звонок – Изольда вздрогнула и взяла трубку. Она вновь вернулась в реальность и теперь отчетливо слышала голос Бориса Иконникова, который готов был прийти к ней уже через четверть часа.

– Хорошо, я жду тебя, Борис...

Она вздохнула и, пользуясь тем, что она в кабинете одна и может позволить себе многое из того, что не принято демонстрировать в присутствии посетителей, встала и с наслаждением потянулась, расправив затекшие мышцы спины. Затем ее взгляд упал на фотографию погибшей Веры Холодковой, и мысли заработали совершенно в другом направлении...

* * *

Наступил июнь, прошло уже почти две недели с нашей встречи, а Варнава мне так и не позвонил, хотя у него был мой телефон. Изольда несколько раз приезжала ко мне, привозила раннюю зелень и, глядя на меня, распластанную на диване с потухшим взглядом, ругалась, кляня на чем свет стоит «идиота Варнавку».

– Хочешь, я найду его тебе и приведу за руку, а то и в наручниках, ты меня знаешь.

Я знала, что ради меня она готова на все. Но Изольда уходила, а я оставалась наедине со своими переживаниями и мыслями. Я не понимала, как могло случиться подобное: я стала зависима от совершенно незнакомого мне человека. Что же за зло такое – любовь? И разве можно назвать это мучительное и изнуряющее чувство таким нежным и светлым словом?

И вот однажды, слегка приведя себя в порядок, я пошла к нему. Если бы на месте его дома я увидела груды дымящихся обломков, то, скажу честно, обрадовалась бы. Это могло бы означать, что он НЕ МОГ позвонить мне, потому что его не было в живых. Или же он был ранен... Но дом, как назло, стоял на месте и сверкал своими промытыми окнами.

Поднявшись на площадку, я села прямо на коврик возле его двери и обхватила колени руками. «Пусть, – рассуждала я прозрачными от усталости и слабыми от великой тоски остат-

ками мозгов, – пусть он видит, что я готова унизиться. Ведь это же болезнь, ваша любовь... Главное, чтобы он был в городе. А я только увижу его и уйду». Мне как-то не приходила в голову мысль, что он может сам уйти из жизни от тоски, от безысходности...

Наверно, я потеряла сознание, потому что очнулась, когда надо мной склонилось знакомое лицо. Испуганные глаза смотрели долго и пристально.

– Ты заболела, Валентина? Ну-ка поднимайся... Что это ты здесь сидишь? Белая как бумага... Тебе плохо?

Варнава помог мне подняться и дома уложил меня в ту самую постель, где я в ту памятную ночь казалась ему его покойной, то есть пока еще живой и здоровой, жаждущей плотской любви возлюбленной.

– Я люблю тебя и болею, когда тебя не вижу... – проронила я, собрав последние силы. – Что же мне делать?

Он положил мою голову к себе на колени и принялся гладить мой лоб, губы.

– Я не знаю, не знаю, что делать... Я не звонил, чтобы ты забыла меня. Прости, если сможешь, за ту ночь. Но мне сейчас так худо, так худо...

Он был так красив, что я, протянув к нему руки, тоже стала гладить его ставшие еще более седыми густые шелковистые волосы. Мутные синие глаза Варнавы были воспалены, веки порозовели.

– Расскажи мне о ней... – попросила я. – Я буду слушать и представлять... Только не гони меня от себя.

Откуда во мне взялось это чувство, что мы знакомы с ним всю жизнь, но когда-то давно расстались, быть может, даже в другой жизни, а теперь вот встретились, но он меня не узнает?..

– Ее звали Елена, фамилия у нее была очень странная, винная – Пунш. Она и была – как вино...

Он произнес эти слова и замолчал, словно пробовал их на вкус, смаковал; быть может, в эту минуту он видел ее, свою ромово-сахарную, пылающую Пунш, высокую и стройную, грациозную и улыбающуюся туманной, прощальной улыбкой...

Мне не терпелось спросить его о том, как его любимая умерла. А может быть, она жива и умерла лишь для него, ведь влюбленный мужчина, так же как влюбленная женщина (а этой болезнью я уже успела заразиться от него, наверное, в поезде), склонен к преувеличениям и суицидным, мазохистским метафорам. Но я не решалась: боялась спугнуть его откровения – этих доверившихся мне диких голубей, опустившихся возле моих ног клевать сладкие зерна покоя...

Вдруг он приподнялся с постели, где прилег рядом со мной, снял со своих колен мою дурную голову и сел прямо, озираясь по сторонам, как человек, который только что заметил, что находится не там, где предполагал.

– Послушай, Валентина, зачем ты расспрашиваешь меня о ней? Ты хочешь этой боли? Я раскис, это верно, но я мужчина и должен взять себя в руки. Я был безумно влюблен в эту женщину, но не потому, что она лучше тебя или какой-нибудь другой женщины. Просто она была такая, какая была, и порока в ней было, как молока в сыре! Нет, она не изменяла мне, ей это было неинтересно. Ее образ жизни представлял собой веселую ресторанную пляску на столе, заставленном бутылками. Смех для нее был воздухом, музыка – необходимым фоном, а вино – водой, без которой она бы иссохла... Ты можешь подумать, что она была выпивохой! Ничего подобного! Она могла заказать цирковой шарабан, украшенный цветами и лентами, и кататься весь вечер по городу, а глубокой ночью оказаться на холодном пляже и искупаться там голышом, а то и вовсе оседлать уставшую взмыленную лошадь и до утра издеваться над сонными дачными сторожами в каком-нибудь пригородном поселке, устраивая перед ними стриптиз... Она ничего не боялась и все умела... С ней было страшно и хорошо.

– Где ты с ней познакомился?

– В машине. Она сама села ко мне в машину, когда я ходил за сигаретами. Сказала, что ей грозит опасность и что она мне хорошо заплатит, если я отвезу ее в Глебучев овраг.

– Куда? – Я не поверила своим ушам. Глебучев овраг – это как городской отстойник, куда стекаются все воры и проститутки, бандиты и убийцы. Что там могла забыть любовница Варнавы Елена Пунш?

– Я и сам удивился, но когда привез ее, уже почти уснувшую (дело было ночью) в Свиной тупик...

– Послушай, Варнава, ты что, шутишь? Какой еще Свиной тупик?

– Так в простонародье зовется одна маленькая улочка в Глебучевом овраге... Так вот, там, в этом тупике, в татарском домике с полумесяцем на воротах, ее, оказывается, ждали. Какие-то дела были у нее с этими людьми, которых я видел лишь мельком... А потом я привез ее к себе – она сказала, что ей негде жить и что она готова отдать свое золотое кольцо, только бы провести ночь в безопасном месте.

– Она была преступницей?

– Нет. Насколько я понимаю, в этом городе у нее имеется родня, которая чем-то держала ее...

– Она осталась у тебя на ночь, а потом еще на одну? – Слезы струились из моих глаз прямо на подушку, которая уже через четверть часа была мокрой. Видела бы меня Изольда в этом болоте унижения – выпорола бы!

– Все это уже не имеет никакого значения. Она была – и теперь ее нет...

– Да что с ней случилось-то? Что ты все говоришь загадками?

Варнава встал и закурил. Я понимала его: с какой стати ему было что-то рассказывать легкомысленной девице, которую он подцепил в баре? И вообще, зачем ему я, со своей непомерно огромной любовью и нелепыми слезами?

– Послушай, Валентина. Я вижу, ты хорошая девчонка, и мне не хотелось бы причинять тебе боль, но мы должны расстаться. Я еще и сам толком ничего не понял, что произошло и как могло случиться, что ее уже нет...

– Катастрофа? Автокатастрофа? – Я словно помимо воли задавала ему наводящие вопросы. – Ее что, сбила машина?

Варнава принес из кухни бутылку с остатками «Смирноффки» и налил мне и себе.

– Не буду. От водки я дурею и рыдаю, – предупредила я его, отодвигая от себя рюмку. – А ты выпей, может, станет лучше. И еще – не переживай за меня... Я уже не маленькая, как говорит моя тетка...

Тут я вспомнила про снимок мертвой девицы в желтом платье, который лежал у меня в сумочке, ожидая своего часа. Было самое время показать его Варнаве, чтобы сравнить с тем платьем, которое я увидела в его шкафу, но вдруг произошло нечто такое, что заставило мои мысли заработать совершенно в другом направлении и режиме. Вернее, ничего не произошло, просто в воздухе возникла одна-единственная фраза, повергшая меня в ужас.

– Она мертвая вот уже пять лет.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы осмыслить услышанное.

– Мы расстались с ней в магазине женского белья, она сказала, что стесняется покупать при мне... Посоветовала зайти в соседний магазин за шампанским – она очень любила холодное шампанское и могла пить его понемногу, но каждый день... Я вышел, купил шампанское, но Елены с тех пор не видел. Она исчезла. Девушка из магазина женского белья сказала, что едва я ушел, как Елена тоже вышла. И все. Я вернулся домой и увидел, что там все перевернуто вверх дном, пахнет серой или еще чем-то гадким, словно паленой шерстью... Я целый день исследовал комнату за комнатой, рассматривая пепел под ногами, пытаюсь найти следы того, кто ворвался в мою квартиру и устроил весь этот балаган... Многих вещей Елены я не обнаружил, в том числе шкатулки с драгоценностями и деньгами...

– Откуда у нее деньги? Ты извини, что я спрашиваю тебя об этом... Это были ТВОИ деньги?

– Не знаю... часть моих, остальное ей присылали родственники: к нам время от времени приходил человек, похожий на цыгана, и Елена с ним о чем-то подолгу разговаривала в передней, куда запрещала выходить мне. После этих визитов у нее всегда были деньги, которые она очень быстро прожигала... Так вот, в тот день я не нашел ее денег, хотя мои были на месте. Вот такой странный случай.

– А что было потом? Ты вызвал милицию?

– Нет, конечно. Зачем же вызывать милицию, когда ничего не знаешь? А что, если вторжение в мою квартиру было связано с ее родственниками из Глебучева оврага? Я же ничего о ней не знал: ни кто она, ни откуда, ни чем занималась до встречи со мной. Но на преступницу она не походила, была слишком чистой, что ли, изнеженной, холеной, красивой, наконец... И никогда не ругалась матом. Много чего умела делать, и все у нее получалось с блеском. Она и пела, и на гитаре играла, и танцевала... А уж как Елена готовила – пальчики оближешь! Правда, после нее приходилось отмывать всю кухню...

Я слушала его и никак не могла взять в толк, что мужчина его внешности и прочих достоинств мог найти в этой странной разгульной особе, водившей дружбу с подозрительными личностями из Свиного тупика и других злых мест. Неужели мало вокруг красивых молодых женщин менее криминального толка, пусть даже немного и распутных (мужчины без этого не могут), но не до такой же степени!

Однако его рассказ затянулся и расплылся – главная мысль растворилась в воспоминаниях и деталях, особенно близких и дорогих ему больше как мужчине, чем рассказчику, призванному вести логическую нить разговора хотя бы из уважения к собеседнику. Тем более что собеседником Варнавы была я – несчастная зареванная девица с массой появившихся неизвестно откуда комплексов, которые так и давили на мой рассудок и душу (мне тоже уже давно, с той самой минуты, как я услышала магическое сочетание «Елена Пунш», захотелось потанцевать на столе, заставленном бутылками, покататься на цирковом шарабане, украшенном цветами, и даже быть украденной из квартиры своего любовника вместе с несколькими тысячами долларов и килограммом золота).

– А с чего ты взял, что ее уже нет в живых? – Возможно, мой вопрос прозвучал достаточно жестоко, но только таким образом я могла вернуть Варнаву в реальность и добиться продолжения этой показавшейся мне не совсем реальной истории. – В квартире было море крови?

– Да нет же, говорю – пахло серой и паленой шерстью... Елены нигде не было. Сначала я подумал, что с ней случилось несчастье, что она, вернувшись по неизвестной мне причине домой, стала жертвой нападения на нее либо квартирных воров, либо бандитов, каким-то образом связанных с ее родственниками и теми деньгами, которые приносил цыган, а потому я почти два дня не выходил из дома и ждал от нее каких-либо известий... Но потом мне на глаза случайно попался клочок бумаги – какой-то обрывок квитанции или чека, который завалился за хлебницу на кухне... И на нем всего десять букв, нацарапанных карандашом.

– И что же это были за буквы?

– Фраза. Угроза. «Тебе не жить». Как в кино... – Он горько усмехнулся.

– Возможно, это название фильма или книги, которую твоя Елена собиралась прочитать...

– Нет-нет, это исключено. У нее была феноменальная память. Она вообще очень способная... А спустя пару дней мне позвонили и сказали, что Елена ждет меня в Воскресенске. Можешь себе представить мое состояние, когда я это услышал? Меня в тот момент не волновало, кто звонил и откуда, главным для меня было то, что она подала о себе весточку. И я как сумасшедший помчался в Воскресенск... Собственно, возвращаясь оттуда, я и встретил тебя... Но Елены там не было...

Слушать Варнаву и не задавать вопросы было для меня пыткой. Спрашивается, как это он мог вот так, на слово, поверить звонившему и помчаться в маленький и тихий Воскресенск, чтобы встретиться с Пунш? Где бы он ее там нашел? Прямо на станции? Или на центральной улице города? Да и о времени встречи не было сказано ни слова... И вообще, какую голову надо иметь, чтобы вляпаться в такую грязную историю со Свиными тупиками и какими-то цыганами, приносящими ни за что ни про что доллары.

Я проглотила поездку Варнавы в Воскресенск, не проронив ни слова.

– Я вижу, ты мне не веришь, – неожиданно для себя услышала я первые здравые слова и облегченно вздохнула: а он ничего, еще соображает. – В Воскресенске я ждал от нее какого-нибудь знака, сообщения, записки, все глаза просмотрел, пока торчал на станции, но так ничего и не дождался, взял билет и вернулся домой...

Я вспомнила картинку, увиденную мной в окне поезда: перрон, ветер, дождь со снегом – и мужчина в черном плаще, покупающий сигареты. Какими же грустными были его синие глаза! И разве могла я тогда предположить, что через какой-нибудь месяц я окажусь в его доме и буду лежать в его постели с опухшими от слез глазами и изболевшейся от ревности душой?!

– Если я посоветую тебе ее забыть, ты все равно меня не послушаешь, – проронила я осторожно, чтобы не обидеть его. – Твоя Елена – девушка непростая, и я больше чем уверена, что она связана с преступным миром. Поверь мне, у меня тетка работает в прокуратуре следователем, она мне такого понарасказывала... кровь стынет в жилах. Когда ты называешь места, где она бывала или где живут ее родственники, уже этого достаточно, чтобы предположить ее связь если не с мафией, то уж, во всяком случае, с мошенниками или просто ворами. А это ее пристрастие к веселой жизни? Думаешь, это все спроста? Она с легкостью «прожигает», по твоим словам, деньги, значит, ее к этому кто-то приучил...

– Валентина, я не рассказал тебе самого главного... Но это, пожалуй, надо не рассказывать, а ПОКАЗЫВАТЬ. Если хочешь, поедem сейчас со мной, и я все тебе покажу...

И я, позабыв тетнины наставления, ее многочисленные напоминания об опасностях, которые могут подстергать молодую девушку, потерявшую голову от малознакомого мужчины и готовую ради него совершить массу глупостей, позабыв и то, что совсем недавно я лежала в обмороке на пороге квартиры своего ненормального друга, с готовностью подняла растрепанную голову с распахнутыми в ожидании интриги глазами и выпалила на одном дыхании, что готова следовать за ним куда угодно.

Блеск влажных глаз Варнавы не укрылся от меня, когда мы садились в его зеленый «Форд». От захлестнувших его переживаний он производил впечатление человека, чуть тронутого тленом отчаяния и меланхолии, которые он тщетно старался прикрыть внешней энергичностью и решительностью. Но и эти всплески становились уже ему в тягость; мне казалось, что, не будь меня рядом с ним, он плакал бы, как осиротевший ребенок, не скрывая слез.

– Понимаешь, Валентина, произошла ошибка, и слово «Воскресенское» я воспринял как «Воскресенск». А ведь в нашем городе есть Воскресенское...

– ...кладбище, – закончила я фразу и почувствовала слабый тошнотворный толчок где-то в горле. И хотя был ясный день, всю щебетали птицы и шумела листва городских пышных бульваров, мимо которых мы мчались с ветерком, поездка на кладбище представлялась мне одной из самых НЕромантических.

– Вот именно, – вздохнул Варнава и резко свернул в проулок, существенно сократив путь до Воскресенского кладбища.

Поставив машину в тени старых лип, разросшихся по обеим сторонам главных ворот кладбища, и миновав маленькую аллею, вдоль которой сидели на деревянных ящиках полуспившиеся, с одутловатыми грязными лицами старухи цветочницы, промышляющие воровством искусственных цветов с могил, мы с моим спутником вышли наконец на главную аллею, и Варнава ускорил шаг: он явно знал конечную цель нашего маршрута.

– Послушай, куда ты меня ведешь? – испуганно ныла я, чувствуя, что он почти тащит меня куда-то в кусты.

– После Воскресенска я решил на всякий случай заехать сюда и справиться у работников кладбища, нет ли среди свежих захоронений кого-то с фамилией Пунш.

– И что? – Мы остановились, чтобы перевести дыхание. Прямо над головами закачались от внезапно налетевшего ветра ветви чуть припудренного пылью сиреневого куста, а где-то высоко что-то сместилось в небе, заслонив солнце. Наверное, поэтому обрывки фраз, произнесенные Варнавой, были мной восприняты уже иначе: я испугалась. Декорации менялись на глазах – воздух вокруг почернел, и тяжелые, хотя и теплые капли дождя упали на мою разгоряченную голову.

– А то, что среди свежих захоронений Елены Пунш не было. Тогда я попросил поискать эту фамилию в других, старых журналах регистрации...

– И нашел?

– Конечно, нашел. Пойдем, я покажу тебе ее могилу.

Мы поднырнули под ветви, поскольку другого способа добраться до могилки не было – оградки, поставленные воровским способом, давно уже задавили со всех сторон аллею, преградив доступ к трети всех могил этого кладбища. Это было единственное кладбище, находившееся в черте города, а потому родственники умерших делали все возможное и невозможное, чтобы захоронить дорогих для них людей поближе.

Запущенная могила со скромным каменным памятником. На фаянсовой фотографии красивая девушка с большими темными глазами и смеющимся ртом, и табличка: «Пунш Елена, 1954—1994 г.». Табличка не новая, и если бы не дата смерти Пунш, можно было бы подумать, что могила намного старше.

– Вот и спрашивается, с кем же я жил все это время? С привидением?

У меня зашевелились волосы на голове. Мне захотелось домой, к маме, да хоть в Африку, куда угодно, но только чтобы подальше от этой могилки и этой хохочущей девицы с огромными глазами и пронзающим тебя насквозь холодным взглядом...

– А ты паспорт ее смотрел? Может, это ее сестра или родственница... Мало ли... – Я все еще пыталась внушить ему мысль, что могила и исчезновение Пунш могут быть не связаны между собой, что это какой-то трюк или случайность.

– Смотрел, конечно, смотрел. Год рождения я не запомнил, знаю только, что ей было чуть больше двадцати... Но ведь это ее фотография, ты понимаешь?

Я сразу же подумала об Изольде, которая могла бы помочь с определением давности портрета, да и могилы в целом, но навряд ли моя серьезная тетка расстарается ради мужчины, доставившего столько боли и переживаний ее любимой племяннице. Она не верила в любовь и считала это слово красивой и удобной маской, прикрывающей обыкновенную похоть. Спорить с ней на эту тему было бесполезно, тем более что в какой-то степени тетка была права. В особенности если это касалось мужчин.

– Так не бывает! – Я стремительно бросилась вон из узкого тупичка, в котором располагалась могила Елены Пунш. – Мне здесь душно и нехорошо... Отвези меня домой, пожалуйста...

И тут раздался выстрел – Варнава рухнул к моим ногам, а на земле, поросшей редкой чахлой травой, появился ручеек крови.

Затем раздался еще один выстрел, и мне показалось, что в мое плечо вонзили что-то острое и раскаленное.

Я слышала шаги – быстрые, легкие – и сухой треск сучьев: стрелявший убегал в сторону, противоположную центральному воротам. И теперь никто и никогда не сможет его разыскать...

Зажав раненое плечо рукой и чувствуя, как между пальцами проступает теплая кровь, а голова полнится гулким звоном, я опустилась на землю рядом с Варнавой и приложилась ухом к его груди. Он был жив. Пуля вошла на ладонь повыше сердца.

Глава 2

Я ждала Изольду весь вечер, свернувшись калачиком под пледом и баюкая ноющее плечо. Ждала и боялась. Мне было заранее известно, какие слова она скажет, как выругается. Все в прокуратуре знали, как умеет материться Изольда. Но если большинству женщин мат не шел, то Изольда была словно создана для того, чтобы извергать из себя смачные, соленые и острые словца-удары, грязные, словно подзаборные шлюхи, и жирные, как тяжелый шмат сала. Не знаю, у кого как, но у меня матерный поток брани ассоциировался именно с такими образами. Но я, так же как моя мать, прощала Изольде эту слабость, мы понимали, что при ее собачьей работе иначе нельзя, как невозможно обойтись и без курева.

Изольда и моя мать были бы похожи внешне, если бы не следы времени, наложившиеся на кожу и душу. Следы разные, как разными были и судьбы этих женщин. Моя мать всегда следила за собой, ухаживала за кожей и не скрывала того, что делает это не только для себя, но и для мужчин, с которыми жила или встречалась. Она подкрашивала волосы и ресницы, словом, была нормальной ухоженной женщиной, молодящейся из последних сил и средств, чего нельзя было сказать об Изольде. Не скрывавшая своей ранней седины, тетка носила короткую стрижку, и если бы не идеальная фигура и высокий рост, ее издали можно было бы принять за парня. Резкие движения, грубоватый голос и постоянная сигарета в зубах – такой и только такой я знала Изольду, любила ее и готова была для нее на многое. Но только не на то, чтобы бросить Варнаву.

На кладбище, после того как в нас стреляли, я потеряла сознание (в который раз за день!), а очнулась уже в больнице, когда мне делали перевязку. Я, возможно, и не пришла бы в себя, если бы сквозь толстый ватный слой забытья и боли не проступил тот самый Изольдин мат, показавшийся мне тогда волшебной спасительной песней.

Я открыла глаза и, увидев ее, бледную и встревоженную, сидящую возле меня на стуле, напоминающем электрический (металлические хромированные детали, все такое холодное и жесткое на вид), заплакала.

– Жить будет, – вздохнула она с облегчением и склонилась, чтобы коснуться моей щеки своими сухими горячими губами. – Птица ты моя сизокрылая, какая нелегкая занесла тебя на кладбище?

– Что с Варнавой? – просипела я, морщась от боли, которая вспыхнула в плече, едва я попробовала пошевелиться. Женщина в белом халате, от которой пахло йодом, уже удалилась, толкая перед собой тележку с бинтами и склянками. В палате был еще кто-то, стонавший время от времени, но у меня не было желания оглядываться и искать источник этих печальных звуков: еще успеется.

– Ничего особенного. Пулю извлекли. Вам еще повезло, что люди услышали выстрелы и вызвали «Скорую помощь».

Изольда, вопреки моим предположениям, говорила о нем довольно спокойно, без ругани.

– Он действительно красивый, твой Навуходоносор, ничего не скажешь. Ты сама-то как себя чувствуешь? Можешь говорить?

– Могу, – ответила я и рассказала все, что знала об Елене Пунш и ее могиле. Понимая, что мы в палате не одни, я старалась говорить шепотом, отчего очень скоро устала и последние слова проговаривала уже с трудом. Быть может, сказалось и то, что я в последние дни почти ничего не ела.

– Пули и гильзы мы взяли на экспертизу, на днях займемся могилой. Интересная история. Молодой человек жил с девушкой, а потом она исчезла, после чего выяснилось, что она уже пять лет как покойница. Чем не сюжет? Очень жаль, что твой дружок сейчас находится без

сознания и не может рассказать в деталях, как это его угораздило спать с привидением или вообще с трупом.

– Прекрати! – Меня чуть не стошнило. – Что ты такое говоришь!

– Констатирую факт. Но вообще-то, чувствую кожей, история грязная – грязная и опасная. И твой Варнава здесь ни при чем. Он слишком красив, чтобы играть главную роль в уголовных играх, и слишком хрупкий на вид. Ты не знаешь, чем он занимается?

– Если честно, нет, – призналась я.

– Так я и думала. А вот я кое-что о нем узнала. Фамилия его Мещанинов, он безработный, нигде не числится, даже с биржи его выгнали за чрезмерную разборчивость в выборе, а до этого он работал часовым мастером где-то на окраине. В его собственности находится большой дом в Лесном поселке, почти в черте города, три квартиры в центре, у него пять машин... Дальше перечислять?

– Я не собираюсь за него замуж, потому незачем тебе утруждаться – меня его собственность пока не интересует.

– Валечка, солнце мое, ты же взрослая девочка и не можешь не понимать таких простых вещей, как то, что у простого часовщика не может быть в наше время такого количества домов и квартир, машин и прочего. Твой Варнава либо бандит, либо вор в законе, а может, конечно, и честный коммерсант, разбогатевший, к примеру, на табаке и алкоголе (хотя навряд ли, поскольку в налоговой инспекции о нем ничего не знают, а если и знают, то молчат, подкупленные...). Но как бы то ни было, рыльце у него в пушку, а потому на него кто-то охотится... Согласись, что просто так никто стрелять не станет.

– Неужели ты не понимаешь, что в него стреляли из-за этой Пунш? Кому-то не понравилось, что он нашел ее могилу...

– ...или же наоборот, – вставила Изольда, – его нарочно заманили на кладбище звонком. Кто-то очень крепко заинтересовался твоим парнем, а потому лучшее, что я могу тебе в этой ситуации посоветовать, это держаться от него подальше. К чему тебе все эти сложности? Чем меньше ты будешь его видеть, тем скорее забудешь и освободишь свое сердце.

Мне подумалось тогда, что уж кому-кому, а Изольде хорошо известно, что такое свободное сердце, не отягченное сладостью или горечью любовных переживаний. Хотя что я знала о ее личной жизни? Если в ней точно такой же набор хромосом, как и у моей матери, ее младшей сестры, то в ранней молодости Изольда пренебреженно должна была пережить несколько бурных любовных романов. Это у нас, Хлудневых, в крови.

– Забери меня отсюда, у меня все в порядке... А еще мне бы хотелось взглянуть на него, хотя бы это ты можешь устроить?

Изольда посмотрела на меня своими умными зелеными глазами, преисполненными упрека и бессилия перед моим упрямством, подала мне руку, чтобы я оперлась, вставая, и уже через пару минут мы не спеша брели по больничному коридору в мужское отделение, где я должна была увидеть своего раненого.

Какое-то беспокойство ощущалось уже в воздухе, когда мы шагнули в крепко пахнущую карболкой и прочей медицинской гадостью стеклянную кабинку, отделявшую женское хирургическое отделение от мужского.

Совсем скоро от озабоченного врача с вытянутым лицом, запакованного в смешную, бирюзового цвета, хирургическую униформу, мы узнали, что пациент по фамилии Мещанинов, доставленный с пулевым ранением груди, исчез.

Изольда, забывшись, принялась раскуривать сигарету прямо в коридоре на глазах у и без того растерянного врача.

– Вы знаете, Изольда Павловна, ведь у него довольно серьезная рана, мы ему сделали перевязку, укол от боли и дали немного снотворного, чтобы он спал... Не представляю, когда он ушел и каким образом его никто не заметил...

– Не переживайте, Валерий Васильевич, – ответила ему ободряющим тоном тетка; судя по всему, они были знакомы, да и вообще Изольду знало полгорода, в чем я постоянно убеждалась. – Из вашей клиники может выйти даже слон – и никто ничего не заметит.

– Это почему же?

– Да у вас здесь такая кутерьма, столько народу... Постоянно все движется, все носятся с каталками, капельницами, кислородными подушками... Это хорошо, если наш пациент сбежал сам, гораздо хуже будет, если выяснится, что его выкрали или же что его остывающий труп сейчас висит где-нибудь в уборной или лежит внизу, на газоне...

Валерий Васильевич кинулся в палату: посмотреть из окна вниз, на траву.

Не знаю, откуда во мне была такая уверенность, но я твердо знала, что Варнава в безопасности. Сердце мое было спокойно. Разве что волновалось по другому поводу: а что, если он бросил не только компанию врачей, медсестер и сиделок, но и меня, человека, который был сейчас его единственным другом, способным подставить свое, пусть даже раненое, но все же достаточно надежное плечо? А если Изольда права и за ним числятся преступления, результатом которых и было его подозрительное богатство, то увижу ли я его вообще когда-нибудь?

Варнаву не нашли ни повешенным в уборной, ни разбившимся на газоне, ни зарезанным в больничном саду. Он исчез, а потому Изольда сочла за благо отвезти меня к себе домой, укрыть, как она выразилась, в безопасном месте, чтобы я смогла там набраться сил и «причесать» мозги.

И я, уже вынашивая в себе планы дальнейших действий, сделала вид, что покорно подчиняюсь ей. А что мне еще оставалось, тем более что только с помощью Изольды я бы смогла в дальнейшем выйти на след Варнавы.

– Малышка моя, – гладила меня тетка по голове, когда мы ехали в машине и я уютно пристроилась на ее крепком плече – чувствовалось, что в Изольде притаились и только ждут своего часа невостребованные залежи нежности и ласки; такой ее знала только я. – Сейчас куплю тебе фруктов, если хочешь, конфет... Если бы ты только знала, глупая, как я испугалась, когда, приехав на кладбище, увидела тебя лежащей в луже крови...

– Так уж и в луже... Не преувеличивай.

– Я же не знала, что это была кровь твоего бандита!

* * *

Едва за Изольдой захлопнулась дверь, я тотчас же набрала номер Варнавы. Конечно, там меня ожидала лишь грустная песня длинных гудков. Я представила себе Варнаву, спокойно развалившегося на кровати, той самой кровати, неподалеку от телефона, и терпеливо ожидающего, когда же прекратятся звонки, МОИ звонки, мне сразу стало жарко. А что, если в его квартире находился убийца, тот самый, что стрелял в нас на кладбище?

И словно в подтверждение этой мысли зазвонил телефон. Я взяла трубку и услышала далекое, исполненное женским голосом: «Тебе не жить».

Я разозлилась, швырнула трубку, словно раскаленную, и выскочила из комнаты в переднюю, оттуда – на кухню. Словом, я заметалась по квартире, не понимая, что со мной происходит. А ведь это был самый настоящий животный страх. Я испугалась. Ведь я еще молода, у меня масса планов, и уж сыграть в этом возрасте в ящик, оставив на произвол судьбы всех близких и дорогих мне людей, я просто не имела права! Все они рассчитывали на меня. И мама с отчимом, и Изольда, да и самой хотелось еще пожить на вилле на берегу океана, слушая холодный английский говорок... А как же быть с моей мечтой посмотреть мир, проявить себя, пусть даже и в качестве оператора, а почему бы и нет? Мне всегда нравилось снимать животных и насекомых. Каждому – свое. Быть может, когда я созрею, то создам полнометражный художественный фильм о жизни людей и животных...

На кухне, поглощая купленные Изольдой пирожные, я немного успокоилась. Охота звонить по тому же номеру отпала сама собой. Нечего рисковать собственной шкурой или даже ушами, которые надо беречь и не позволять им выслушивать подобные угрозы. Помнится, эта же шершавая, пахнувшая моргом фразочка уже звучала в наших с Варнавой разговорах. Ну конечно, он нашел дома клочок какой-то квитанции, на которой черным по белому было нацарапано: «Тебе не жить». Как бы не так!

Я позвонила Изольде и рассказала ей и о квитанции, найденной в квартире Варнавы, и о телефонном звонке – пусть ее ребята навелят эту НЕХОРОШУЮ квартиру; после чего я взяла с тетки слово позвонить мне сразу же, как только станет что-либо известно.

Когда трубка была уже водворена на место, я поняла, что поторопилась, погорячилась, и теперь нет мне прощенья. Мысли, которые вот уже целый день роились в моей непутевой голове, вдруг свились в красивый венок просто-таки невероятной по оригинальности идеи. И хотя я понимала, что время упущено и что люди Изольды, возможно, уже выезжают на квартиру Варнавы, я решила их опередить. У меня не было ключей, я даже не представляла, как вообще можно проникнуть в дом с запертыми двойными дверями, но все равно поехала. Образ Елены Пунш не давал мне покоя. Мне хотелось эмоциональной встряски, эпатажа, наконец... Возможно, только таким образом мой организм, подсказывая мне подспудно об этом, и мог совладать как с депрессией, подкатывающей к самому сердцу, так и с моим простреленным плечом.

Я выбежала из теткойной квартиры и остановила машину. Меня быстро домчали до дома Варнавы. Милицейских машин поблизости я не заметила, а это уже было само по себе большой радостью.

Поднявшись на третий этаж, я трижды позвонила (рука моя тряслась, как если бы я страдала болезнью Паркинсона). Тишина. И вдруг, когда я уже расслабилась, понимая, что только напрасно потратила время и силы на эту бешеную поездку, послышался звон ключей и скрежет открываемого замка.

Я слышала, как отворилась внутренняя дверь, затем и наружная, и передо мной появилось заспанное лицо пятидесятилетней женщины. Рыжие волосы ее были накручены на бигуди, на щеках, крупном носу и набрякших веках сально блестели остатки жирного крема. Розовый махровый халат обвивал ее тумбообразную фигуру. Пренеприятная особа.

– Извините, я к Варнаве. – Язык мой заплетался.

– Девушка, вы, верно, что-то спутали. Здесь такие не живут. Хотя... – Она нахмурила брови. – Возможно, так звали бывшую хозяйку... Но она, кажется, умерла, а мы два дня назад купили эту квартиру. Если вы за вещами, то так и скажите. Мы не волки какие, нам чужого не надо.

С этими словами она распахнула все двери и впустила меня в уже знакомую мне переднюю, где в углу, перед шкафом были сложены какие-то вещи и стоял большой чемодан.

– Забирайте, а то все стоит, проход только загораживает. – Новая хозяйка квартиры не скрывала своей неприязни к чужим, явно загостившимся вещам, а потому, увидев (или только сделав вид, что увидела) в моем лице представительницу бывших хозяев, обрадовалась, что ей представился случай избавиться от этого скарба без особых хлопот.

Причина, по которой я мчалась сюда, должна была, по моим предположениям, находиться теперь именно в чемодане: не в коробки же из-под кофе или сигарет, в которые обычно укладывают хрупкие вещи вроде посуды, уложили коллекцию дивных пуншевских платьев?! Возможно, кто-нибудь мог бы меня упрекнуть в меркантильности, но я готова поклясться, что не желание обладать Елениными платьями руководило мной в ту минуту, когда я вытаскивала тяжелый чемодан из передней на лестничную клетку и стремглав летела вниз (о существовании лифта я тогда забыла напрочь), нет, это было нечто большее. Надеть на себя хотя бы одно пла-

ть и туфельки, постараться хотя бы на один вздох приблизиться к моей пусть даже и погибшей сопернице – вот от какой мысли так сладко ныло мое сердце...

На мое счастье, во дворе дома милицией, что называется, даже не пахло. Изольда явно испытывала мое терпение. Так-то она меня любит и переживает, что не может прислать своих людей проверить, кто это угрожает ее любимой племяннице?! Хотя, появившись сейчас здесь воюющие и мигающие тревожными огнями желтокрылые машины, как бы я объясняла своей тетке наличие у меня в руках чужого чемодана?

Поэтому решив, что все складывается более-менее удачно, я остановила такси и попросила отвезти меня домой. Чемодан было необходимо спрятать. И тотчас возвращаться в квартиру Изольды. Как же иначе?

Но вышло все по-другому. Этот чемодан оказался настоящим сокровищем для таких любительниц острых ощущений, как я.

Первое, что я сделала, оказавшись дома, один на один с чемоданом, это, разумеется, открыла его. Не обошлось, правда, без помощи плоскогубцев и молотка. Уверена, что любой, окажись он или она на моем месте, поступил бы точно так же, тем более что в чемодане среди вещей, некогда принадлежавших таинственной Елене Пунш, лежало то самое желтое платье (точнее, его копия), в котором нашли убитую молодую женщину на Набережной. Я даже достала из сумки снимок, чтобы сравнить эти платья – они были совершенно одинаковыми, вплоть до оттенка желтого. Канареечно-лимонно-желтого, если уж быть до конца точной.

Я бы и дальше, сидя у чемодана, рассматривала, а то и примеряла его содержимое, если бы не страх перед теткой. Вдруг она уже вернулась домой, а меня не нашла? Зачем ей столько проблем на голову только из-за того, что ее дурная племянница решила поиграть с чужими вещами?

И я, прикрыв так и не распакованный чемодан (желтое платье я на всякий случай прихватила с собой), покинула свою квартиру и вернулась в Изольдину. Доела пирожные, прилегла на минутку, чтобы отдохнуть и подумать обо всем, что пережила за день, да и уснула. Причем так крепко, что проспала до десяти вечера.

От раны ли, или от расшалившихся нервов меня колотила дрожь и лихорадило, было холодно. Вот потому-то, укрывшись пледом, я еще долго лежала, глядя на экран телевизора, безуспешно пытаюсь вникнуть в сюжет какого-то комедийного фильма, пока не решила позвонить Изольде в прокуратуру. Вообще-то она не приветствовала подобные звонки, считала, что это преступление – занимать без особых причин телефонную линию.

Мужской голос в ответ на мою просьбу пригласить к телефону Хлудневу сухо бросил:
– Ее сегодня уже не будет, звоните утром.

Легко сказать «звоните утром», когда от страха сосет под ложечкой, а от каждого подозрительного звука вздрагиваешь, как если бы в тебя плеснули кипятком. Тем более что вечером чувства, родственные страху, обостряются и мысли о близкой кончине так и блуждают где-то вне головы, все ближе к пяткам...

Телефонный звонок подбросил меня на диване – я вцепилась побелевшими пальцами в трубку:

– Слушаю...

– Привет, Валентина, – задышал мне в ухо знакомый голос и вызвал прилив слез. Никогда не ожидала от себя такой сентиментальности.

– Варнава, – зашептала я, глотая слезы, – где ты? С тобой все в порядке? Как ты меня нашел?

– Так ты же сама дала мне телефон своей тетки, ты что, забыла уже?

– Забыла... Зачем ты сбежал? Как твоя рана?

– Надо бы встретиться. Но только на нейтральной территории, здесь такое творится...

Ты не сможешь сейчас приехать в «Ротонду»?

В это время пришла Изольда – я услышала, как открывается входная дверь. Надо было срочно что-то решать.

– Хорошо, я приеду. Извини, но я не могу сейчас говорить. До встречи... – Я положила трубку и пошла встречать тетю.

* * *

– Если бы ты только знала, как я устала. Спина болит, ноги затекли... Три часа тряслась в машине.

Изольда сидела на низкой скамеечке и растирала онемевшие икры. Ее волосы серебряным шлемом сверкали при свете электрической лампы и совершенно не подходили к длинному, стройному и гибкому телу, затянутому в зеленый облегающий костюм, который придавал Изольде элемент женственности и делал ее совсем молодой.

– Что-нибудь случилось? – спросила я, унося на кухню тяжелые пакеты с продуктами. – Ты совсем меня бросила...

– Случилось. Еще одно убийство. Но не у нас, а в Москве.

– А при чем же здесь ты?

– Убит директор крупной совместной фирмы, а в его папке среди документов нашли фотографию женщины, похожей на «нашу», ту, что нашли на Набережной, в желтом платье... Теперь улавливаешь связь?

– А как тебе стало это известно?

– Представь себе, случайно. Дело в том, что погибшая у нас девушка, Вера Холодкова, оказалась проституткой, довольно известной в городе личностью. Иконников, я тебе про него рассказывала, подробно описал Веру, ее прошлое и настоящее, так сказать, и так же, как Чашин, обратил внимание на то, каким образом была одета Вера в день смерти. Дело в том, что желтое платье, в котором она была, совершенно не в ее духе, не вписывается в ее гардероб... Ну это как если бы меня, к примеру, вырядить в розовое бальное платье с кружевами, понимаешь?..

– А что, – расхохоталась я, вдруг представив себе Изольду именно в таком пышном платье, – тебе бы пошло...

– Я тоже сначала и слышать не хотела о стиле, тем более когда речь идет о проститутке, но Иконников убедил меня в том, что Вера оделась таким образом НЕ случайно.

– Быть может, она хотела стать похожей на другую девушку, чтобы понравиться какому-нибудь парню? – предположила я, краснея, поскольку последние часы только и думала о том, как бы примерить на себя платья Пунш. Но рассказать Изольде о чемодане с платьями, который я фактически украла, поскольку он мне не принадлежит, я пока не могла, да и не хотела, потому что довольно хорошо представляла себе, какую реакцию может вызвать это мое инфантильное признание: «Верни чемодан на место! Это же чужие вещи!» – и все в таком духе...

– Валентина, ты несешь ахинею, – отмахнулась от моего предположения тетка.

Со стороны могло действительно показаться, что я несу чушь, но разве не это чувство – понравиться Варнаве в облике Пунш – двигало мною, когда я уносила ноги из его квартиры вместе с не принадлежащим мне чемоданом? И если такое чувство посетило меня, так почему оно не могло возникнуть у другой влюбленной женщины?

Конечно, для тетки это казалось настоящим бредом, поскольку она, в отличие от моей пылающей плоти, была сотворена из замороженного мяса и крови. И пусть это был чистой воды самообман, разве я сейчас не приносила Изольде пользу, советуя обратить внимание именно на этот мотив, казалось бы, странного поступка Веры Холодковой? Да Изольде в жизни не пришла бы в голову столь оригинальная и вместе с тем такая простая мысль...

Я понимала, что сейчас настало самое время рассказать ей о платье, которое я видела в шкафу у Варнавы и которое сейчас лежало у меня в сумке, но не хватило духу... Да и вообще, с какой стати я буду здесь распинаться перед Изольдой, демонстрируя ей свое знание женской психологии, если она все равно относится к моим словам с явным пренебрежением и иронией? Себе дороже! Кроме того, я чувствовала, что рано или поздно именно моя информация поможет ей в отношении этой мертвой девицы и ее платья. А пока я решила лишь повторить свой вопрос, свидетельствующий о том, что мой интерес к ее делам еще не угас и что я готова немного послушать ее и принять участие в дежурных рассуждениях...

– Так каким образом тебе стало известно об этом убийстве бизнесмена в Москве? И кто рассказал тебе о том, что у него нашли фотографию Веры Холодковой?

– Повторяю: все произошло случайно... Просто мне позвонила Катя Смоленская. Мы говорили с ней о каких-то нейтральных вещах, потом я рассказала ей о Холодковой, поскольку думала в тот момент именно о ней, а Катя, услышав, что на девушке было желтое платье с черным кантом, как-то оживилась и попросила меня выслать ей по факсу фотографию убитой. Лицо, конечно, было трудно рассмотреть в подробностях, но Катя перезвонила мне и сказала, что Холодкова очень похожа на девушку со снимка, найденного у Князева. Личность ее они там, в Москве, так пока и не установили...

– То есть твоя знакомая обратила внимание лишь на платье?

– Ну почему же?..

– Да ты же сама сказала, что лицо на фотографии было трудно рассмотреть, да еще и в факсовом исполнении...

Изольда пожала плечами.

– Странные вы люди... Ну да ладно, вам виднее, – пробормотала я, не желая досаждать ей своими доводами и изо всех сил давая понять, что она убедила меня и мне в свою очередь удалось-таки уловить связь между трупом на набережной и бизнесменом Князевым. Хотя, признаться, меня тогда чуть было не прорвало, еще мгновение – и я бы проговорила о том, что этой девушкой, снимок которой нашли у Князева, запросто могла быть Елена Пунш, возлюбленная Варнавы, поскольку именно ее платье я видела не так давно в шкафу у Варнавы. И почему бы не допустить мысль, что она бросила Варнаву именно ради москвича Князева? А что касается непосредственно платья, то я могла отстать от моды, и если не принимать во внимание тот вариант, что усилиями какого-то ловкого пройдохи-модельера, вовремя почувявшего новое веяние в моде, была выпущена целая серия подобных платьев, именно исключительность этого наряда пока что и связывала две истории с Холодковой и Князевым... Что ж, пусть будет так.

Развивать беседу можно было бы еще долго, но у меня оставалось катастрофически мало времени, ведь мне надо было спешить – Варнава ждал меня в «Ротонде».

Я не знала, как мне поступить, чтобы и тетушку свою не обидеть, и к Варнаве успеть до того, как он уйдет из бара с другой девушкой. Я почему-то была уверена, что такого мужчину, как он, нельзя надолго оставлять без присмотра. А потому, прервав Изольду, сказала:

– Чтобы не врать... Меня в «Ротонде» ждет Варнава. Я спешу. Отпусти меня, пожалуйста, можешь приставить ко мне хоть десяток охранников, но только не заставляй мучиться или превращаться в лгунью, я все равно уйду. Ты меня знаешь: я бы нашла дюжину причин для того, чтобы сейчас улизнуть от тебя, но мне не хочется запутываться в этой истории одной. Если хочешь, включайся, но только мою личную жизнь оставь в покое. Пусть Варнава бандит, пусть вор и убийца, но я сама должна это выяснить...

– Валя, какая же ты... – Изольда впервые смотрела на меня вот так: жестко и почти с ненавистью. Это был взгляд совершенно чужого человека, которому я вонзила нож в спину и теперь спокойно, нисколько не смущаясь, больше того – бравируя, заявляю ему об этом. – Как ты могла молчать все это время, пока я здесь? Ты мне не доверяешь?

– Так я же сказала... И вообще, ты сама вынуждаешь меня совершать самостоятельные поступки, рисковать жизнью. Я же позвонила тебе сегодня и рассказала о телефонном звонке, попросила, чтобы ты выехала к нему на квартиру и проверила, кто это там так грубо шутит, а ты что?

– А мы и выехали. Но дверь нам открыла женщина и заявила, что «никакую Варнаву» она не знает, что бывшая хозяйка умерла и квартира эта теперь принадлежит ей.

Мне стало жарко. Я поняла, что приехала на квартиру Варнавы ПОЗЖЕ Изольды. И как это я раньше не могла догадаться, что прокуратура находится от этого дома всего в двух кварталах, в то время как мне пришлось потратить на дорогу почти полчаса. Какая же я неблагодарная свинья!

– Так я пойду? – В нетерпении я сучила ногой, словно перевозбужденный нервный подросток перед экзаменом; еще немного, и я принялась бы грызть ногти.

– Не дергайся, возьми себя в руки... – Я видела, что разговор давался ей с трудом, тем более что он все больше и больше принимал форму одностороннего наставления, что уже само по себе было несвоевременным и бессмысленным: как будто я не понимаю, что встречаться с малознакомым мужчиной, на которого несколько часов назад было совершено покушение, опасно! А тетка продолжала: – Пойми, ты рискуешь собственной жизнью. Я, конечно, не могу тебе запретить пойти к нему, но, поскольку он еще жив, в него могут выстрелить еще раз...

– Я буду осторожной...

– Тогда и я поеду с тобой – не могу допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось...

Я не знала, что мне делать, и поэтому согласилась. Мы договорились, что Изольда оставит свою машину на соседней улице, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и пойдет вслед за мной, а уже возле самого бара спрячется где-нибудь в тени деревьев. Мне от души было жаль Изольду, которая и так еле держалась на ногах, а тут еще ей предстояла такая активная опека.

– Постарайся вывести его наружу и уговори поехать к тебе. Думаю, что это самый разумный вариант... Вы выходите из «Ротонды», ты делаешь вид, что ищешь машину, а тут подъезжаю я и забираю вас. Иначе я тебя никуда не отпущу, и точка!

– Роль пастушки тебе не идет. – Я вконец расстроилась. Только ее-то мне на таком ответственном свидании и не хватало. Но делать было нечего – я согласилась, и мы поехали.

«Ротонда», странное кубообразное сооружение, оформленное в духе Сикейроса (стены ее, во всяком случае, украшали копии картин именно этого художника), была подсвечена несколькими мощными прожекторами, поэтому вся площадка вокруг была просто залита светом. Навряд ли у убийцы, стрелявшего в нас на кладбище, будет возможность укрыться, разве что он заберется на дерево.

Я успокаивала себя тем, что только двое – я и Изольда – знают, где Варнава; а что мне еще оставалось делать?

Покачиваясь от слабости и нервничая, я вошла в бар и почти сразу же увидела сидящего на своем месте Варнаву. Вот только одет он был уже не в черное, а в простые джинсы и синюю джинсовую куртку, в отвороте которой я успела разглядеть слой бинта.

– Привет. – Я взгромоздилась на табурет, обтянутый рыжей кожей, и, боясь посмотреть на Варнаву, приняла из его рук рюмку с водкой, в которой плавал кусочек лимона.

– Привет. Ты как, жива? Я рад, что нашел тебя.

– Чего ты сбежал из больницы? – Я говорила чуть слышно, чтобы даже стоящий довольно близко от нас бармен не смог разобрать ни слова.

– Не хотел расспросов милиции. Мне это ни к чему. Стреляли в меня по ошибке – другого объяснения найти не могу. Я никому ничего не должен, с женщинами у меня все просто – я не имею дел с замужними... Но все это ерунда. Вот скажи, сколько времени я отсутствовал дома?

– Часа четыре, если вместе с больницей и кладбищем...

– Так вот: за эти четыре часа я стал нищим, как церковная мышь.

– Как это?

– В моей квартире живут чужие люди, другие мои квартиры, большой дом в Лесном поселке и все мои машины – проданы.

Я только сейчас поняла, что Варнава пьян.

– Все это ерунда, такого не может быть. Должно быть все документально оформлено, везде на купчих должна стоять твоя подпись, ты что, маленький, ничего не знаешь?

– У меня в регистрационной палате есть знакомая... Шмакова. Когда я узнал, что моя квартира, та самая, в которой ты была еще утром, уже НЕ МОЯ, что она продана, я сразу же поехал к ней в регистрационную палату, вызвал ее и попросил узнать, что, собственно, произошло. Ведь меня даже на порог не пустили... Я бы эту бабу размазал по стенке, но у меня тогда мухи перед глазами мелькали, я едва доехал до Шмаковой...

– Короче. – Меня разбирали любопытство и страх – два чувства, которые вызывали слабость в животе, но являлись моими основными чувствами вообще, не говоря, конечно, о любви. – Ты видел эти документы?

– Все дело в доверенности. В генеральной доверенности, которую я, оказывается, дал какому-то Блюмеру Льву Борисовичу. Но я даже не представляю, кто это такой! – Варнава смахнул пустую рюмку на пол. На нас уже оглядывались. – От Шмаковой я узнал, что она сама была в шоке, когда какой-то Блюмер от моего имени продал все к чертовой матери...

– Ты шутишь, такого не бывает...

– Знаешь, как меня встретила Шмакова, когда я к ней пришел? Первое, что я услышал от нее, было: «Во что ты влип? Что с тобой случилось? Кому ты так задолжал?» Представляешь? А я никому, повторяю, ничего не должен. Я работал, у меня были акции табачной фабрики, магазины, но только не здесь, на юге... Потом я приехал сюда с деньгами и обосновался здесь. Юг не для меня, там слишком влажно... Хорошо, что там у меня еще что-то осталось... Хотя я уже ни в чем не уверен...

– Я могу узнать, кто такой Блюмер, если это тебе нужно.

– Конечно, нужно. Но тут такое дело – у меня нет денег. Совсем. Вернее, есть немного в банке, но я сегодня уже не успевал туда, да и документы мои остались на квартире... Ты что-нибудь понимаешь?

– Понимаю. Поехали ко мне, тебе надо поесть и выспаться, да и перевязку не мешает сделать. Ты извини, но я приехала сюда не одна.

– А с кем же? С мамой?

– Нет. Помнишь, я тебе рассказывала про тетку, которая работает в прокуратуре. Ей можно доверять. Пойми, я же не могла сюда прийти одна после того, что произошло. Ты бы и сам удивился, если бы оказалось, что я без охраны.

– Я не пойду, – услышала я и покраснела словно от удара.

Собрав свои душевные силы воедино, я медленно и четко проговорила:

– Решай сам, – после чего встала и, стараясь выглядеть спокойной, направилась к выходу. И я знала, чувствовала спиной, хотя и не слышала шагов за грохотом музыки, что Варнава идет за мной. Голод не тетка...

* * *

В машине они оба курили – салон сделался похожим на тесную курительную комнату. Варнава заметно успокоился. Все-таки Изольда – моя тетка, и рядом с ней навряд ли ему грозит опасность.

Вот только я тяжело переживала такое глубокое вторжение Изольды в мою личную жизнь. Когда Варнава позвал меня в «Ротонду», я, честно признаться, меньше всего думала о грозящей мне опасности или о том, что произошло на кладбище. Свои мозги я оставила в том самом

купе, в котором впервые встретила Варнаву, оставила где-нибудь на полке, как зонтик. Иначе как объяснить то легкомыслие, которое сопровождало меня все последующие дни? Я сильно изменилась, процесс превращения меня из ироничной, самоуверенной и даже во многом циничной прожигательницы жизни в душевнобольную, слабую во всех отношениях особу с подорванной психикой находился на самом пике, когда пуля, явно посланная в голову Варнавы, впиалась мне в плечо. Конечно, это был знак отрезвления и предупреждения. Ан нет, уже через пару часов я, забыв о боли в плече и об обещании не творить глупостей, данным мною Изольде, помчалась к Варнаве домой...

Вот и тогда, в машине, когда мы возвращались к Изольде домой с трофеем – красавцем Варнавой, я готова была кусать себе локти от досады. Куда приятнее было бы привезти его домой К СЕБЕ, поухаживать за ним, перевязать плечо, а потом уложить его, несчастного, все потерявшего, к себе в постель. А вместо этого мне приходится делить общество Варнавы с Изольдой! Ведь это именно она настояла на том, чтобы мы поехали к ней, а не ко мне, как договаривались прежде...

Так оно и вышло: тетка полностью окружила его своим вниманием, словно меня вообще не существовало. Горячий ужин, хороший коньяк, сигареты, обмен информацией хрипловатыми от табака и полупшепота голосами (они выглядели как сообщники!) и нервирующее меня постоянное употребление режущих ухо словечек вроде «регистрационная палата», «генеральная доверенность», «недвижимость», «риэлтерская фирма»... Как будто самым важным из последних событий в жизни господина Мещанинова являлся факт его банкротства, а не то, что его чуть было не убили на кладбище.

Иногда и мне позволяли высказать свое мнение, но ничего, кроме ставшей навязчивой идеей фразы «во всем виновата Пунш», я все равно не произносила. Не хотела даже вступать в спор. Да и чем я могла аргументировать свое убеждение, если оно строилось в основном на ревности и интуиции? Мне почему-то казалось, что и Изольда должна была связать мошенническую деятельность Блюмера с Пунш, ведь такое стечение обстоятельств не могло не вызвать недоумения у нормального человека: в Варнаву стреляли в тот же самый день, когда в его квартиру въехали незнакомые люди. И именно в этот же день он узнал, что по генеральной доверенности, которую он якобы дал какому-то Льву Борисовичу Блюмеру, вся его недвижимость продана. А где же деньги? И что это за чертовщина такая?

На кухне, когда я жарила мясо, а Изольда заглянула ко мне, чтобы показать, где у нее хранятся специи (как будто я не знала!), она вдруг сказала:

– Ну нельзя же так, птичка. Ты же просто ревнуешь и поэтому все сваливаешь на эту девицу. Держи себя в руках – мужчины не любят ревнивых женщин. Ревность – это одна из составных собственничества, а какому мужчине понравится быть чьей-то вещью? Я, кстати, тоже разговаривала с ним об этой самой Пунш и поняла, что девица была не промах, везде успевала...

– В смысле? – Я покраснела из-за стыда за свою бестолковость: что-то я никого не понимала в последнее время. А мысли упорно сходились к одному: если везде успевала, значит, кроме Варнавы, у нее были еще мужчины? Что, что имеет в виду Изольда? И как ее правильно понять, чтобы не показаться слишком уж сексуально озабоченной?

– Он же рассказывал тебе про цыгана, который приносил ей деньги. А разве в наше время, да и когда бы то ни было, за просто так кто-нибудь давал деньги? Причем валюту?

– Думаю, что нет. И вообще я больше не хочу о ней слышать...

– Переверни, а то подгорит. Ты чего такая грустная? Убавь огонь и пойдём, поможешь мне сделать перевязку. Мазь у меня есть, бинты – тоже. Если не боишься, конечно.

Я горько улыбнулась – Изольда вся светила счастьем. Неужели эта радость была вызвана тем, что я послушалась ее и сделала все так, как тетка просила, то есть подчинилась

ей, тем самым избавив от хлопот и бессонной ночи? Или ей так понравился Варнава? Но ведь он годится ей в сыновья.

Когда я вернулась в комнату, где оставляла их вдвоем беседовать, Варнава сидел уже без рубашки. Большой ком окровавленных бинтов лежал на полу, а на столе были разложены инструменты (ножницы, пинцет, лопаточка для мази), пузырьки с лекарствами и несколько пачек бинтов, марля, бутылка со спиртом.

Рана на груди, на выбритом участке кожи, еще кровоточила, и из нее торчал почерневший тампон.

Я часто задышала, чтобы не свалиться в обморок. Изольда тем временем занялась промыванием раны.

– Варнава, – проговорила я, чтобы отвлечь его от перевязки, – хочешь, я покажу тебе кое-что?..

– Покажи. – Он зашипел, выпуская воздух через зубы, до того ему было больно. – Давай-давай, показывай, чего там у тебя...

Он обращался ко мне, как к ребенку, словно это и не со мной занимался любовью не так уж давно.

Улыбка, хотя и нервная, не сходила с его лица, когда моя тетка-садистка вынимала ватный тампон из раны, обрабатывала ее перекисью, засовывая чуть ли не полпинцета, обмотанного марлей, в отверстие и плеская туда жидкость, которая сразу начинала пузыриться. Только посеревшее лицо и выдавало его страдания, да еще выступивший на лбу пот.

При виде снимка с мертвой молодой женщиной в желтом платье, лежащей на фоне гранитных ступеней, Варнава потерял сознание.

– Может, оно и к лучшему, – заметила невозмутимая Изольда, заканчивая перевязку. – Так он хотя бы ничего не почувствует. Ты посиди с ним, а я принесу сейчас все для укола. Уже утром он будет как огурчик.

– Тебе не в прокуратуре работать, а в морге – трупы кромсать, – прошипела я, поражаясь хладнокровию и бесчувственности тетки.

– Он мужчина и должен уметь терпеть боль.

– Да неужели ты так ничего и не поняла? – вскричала я. – Ведь он потерял сознание не от боли, как думаешь ты, а от снимка! Он узнал ее, это она!

– Кто?

– Елена Пунш! У него в шкафу висело точно такое же платье, понимаешь? Я его видела! – И тут, вспомнив, что оно находится сейчас здесь, в теткиной квартире, висит, сложенное, в пакете на вешалке, кинулась в прихожую.

– Валя, да успокойся ты! – крикнула мне вслед Изольда. – Ты ведешь себя слишком возбужденно. Подумаешь, платье...

Она меня не понимала. И тогда, запершись в ванной комнате, я надела это платье и вышла в нем. Забрав свои волосы в высокий конский хвост и взгромоздившись на каблуки теткиных выходных туфель, я, мазнув по губам оранжевой помадой, появилась в дверях, словно призрак убитой.

– Ну как? – спросила я.

Изольда, повернув голову и увидев меня, зажмурилась. Встала, выпрямившись во весь рост, и, с трудом придя в себя, закачала головой:

– Ну ничего себе представление! Валентина, где ты взяла это платье?

Только сейчас до меня дошло, что меня в этом доме никто не воспринимает всерьез, что к моим словам никто не прислушивается. А ведь я ей только что напомнила, где и у кого я уже видела это платье.

– Но тогда это точно не Пунш, – вдруг услышала я, – потому что одно платье здесь, а другое – на той женщине... Надо во всем разобраться. А ты разденься, сними его с себя немедленно... Вдруг Варнава очнется и увидит тебя в нем?

– Сначала скажи: похожа я на нее или нет?

– Но я же ее никогда не видела!

– А на кладбище? Варнава сказал, что это ее портрет.

Изольда сощурила глаза, вспоминая снимок на могильной табличке.

– Пожалуй что похожа... К тому же размалой любую девицу, сделай ей такую же прическу, и она тоже будет похожа на Пунш или Холодкову... Вы же обе молодые, стройные, с длинными волосами... Но все равно: ты – не она, не Пунш...

И я поняла всю жестокость Изольды. Она быстро меня раскусила, она поняла, что мне хочется примерить на себя кожу Елены Пунш, если не кожу, то хотя бы платье, чтобы стать похожей на нее и понравиться Варнаве. И это ее «ты – не она» лишь закрепило меня в мысли, что с этой минуты все откровения с Изольдой прекращаются. Все. Зачем открывать душу человеку, который ни в чем тебя не поддерживает, а даже напротив, старается всегда поставить на место, приземлить, и это вместо того, чтобы вселить надежду? Разве так должны поступать близкие люди?

– Не обижайся, – прочла она мои мысли, – я же тебе только добра желаю.

Глава 3

Лариса Васильева вернулась домой лишь под утро. Открыла дверь большого, принадлежащего ей на эти полтора-два месяца дома своими ключами и, дрожа всем телом от усталости и какого-то неотвязного и липкого страха перед тем, что позволила себе сделать, первым делом вошла в ванную комнату и пустила горячую воду.

Да, в этом снятом ею дорогом доме было все: и горячая вода, и отопление (на случай, если вдруг зарядят тропические ливни и захочется тепла и ощущения комфорта), и огромные уютные комнаты, заставленные горшками с цветами, если и вовсе не деревьями... А за окном, совсем рядом, плещется море. Оно такое голубое, нежное, дымчатое, влекущее к себе и необычайно чистое, такое же чистое, как промытые соленой водой белые и серые камни, ставшие гладкими на ощупь...

Лариса приехала сюда, в эту жаркую страну под названием Черноморское побережье Кавказа, из Москвы, где бросила на время свой идеально белый офис нотариуса, в котором была хозяйкой, большую квартиру на Смоленской площади и все свои многочисленные и муторные дела. Наступило время отдыха, солнца, пальм и моря, а еще домашнего красного вина и того долгожданного головокружения, о котором она так страстно мечтала и которое позволило бы ей окончательно расслабиться и почувствовать то, ради чего человек, собственно, и живет.

Пока в ванну набиралась вода, Лариса стояла перед большим зеркалом просторного холла и, всматриваясь в свое отражение, спрашивала себя, она ли это? И кто та яркая, одетая во все красное женщина со слегка растрепанной, но все еще не потерявшей флер легкомыслия и шарма прической и утомленным побледневшим лицом с искусственным румянцем и залегшими под глазами тенями, придающими ей усталый и одновременно счастливый вид? Неужели это она, та самая Лариса, так тщательно маскирующая в далекой и холодной Москве свою истинную сущность под строгими деловыми костюмами и блеклой косметикой, вместо того чтобы дать волю чувствам и жить полнокровной жизнью, населив ее мужчинами, напоминающими тех, с которыми она проводила время здесь, в Мамедовой Щели, окунувшись в теплый и приторный ручей пьянящей безалаберности, безответственности, безрассудства, бессознательности и прочих «бес – » и «без – », без которых жизнь скучна и неинтересна.

«И пусть, пусть, – говорила она, не сводя глаз со своего отражения и с каким-то остервенением срывая с себя одежду, – пусть все это будет, это мое, а потому никому не должно быть дела до меня и моих маленьких слабостей».

Жить двойной жизнью – деловитой аскетки и транжиры шлюхи – доставляло ей удовольствие и постепенно стало смыслом ее существования. Помимо Мамедовой Щели, куда она ездила только в теплое время года, существовал еще один пансионат в Подмосковье, частный и дорогой, куда она приезжала исключительно зимой и где к ее услугам тоже было много молодых мужчин, за общение с которыми она платила довольно высокую цену. Там тоже было хорошо, спокойно, только чуть более цивилизованней и по-московски развратней...

...Все окна в доме были плотно зашторены, а потому ни одна душа не могла сейчас увидеть стоящую перед зеркалом женщину, в нетерпении срывающую с себя одежду, разбрасывающую ее как попало и испытывающую даже от этого какое-то странное удовольствие, смешанное с болью во всем теле...

Она выходила из дома почти каждый вечер, когда темнело, и спускалась к берегу, где ее уже ждали. Человек, устраивающий ей свидания и знакомый с ее пристрастиями, понимал, чего от него ждут, а потому любовниками его клиентки на одну или две ночи становились в основном молодые кавказцы. Они увозили Ларису либо к себе на квартиру и там проводили с ней время до утра, либо на лодке доставляли ее на борт прогулочного катера, где их всегда ждал накрытый стол, музыка и бездна удовольствий...

Под утро ей обычно становилось немного не по себе: хмель выветривался из головы, но еще продолжал блуждать по жилам, разгоняя кровь и делая ее, как ей казалось, горьковатой на вкус. Иначе откуда вдруг брались эти серьезные и отчаянные мысли о кратковременности жизни и о том обмане, в который она погружалась с каждым прожитым мгновением? Пресытившаяся, уставшая и растратившая жажду к наслаждениям и вкус к такого рода забавам, Лариса возвращалась в тихий и пустой дом, где ее ждали покой, ванна, холодильник, забитый до отказа фруктами и соками, телевизор и большая кровать, на которой она могла вволю отоспаться, чтобы, набравшись сил, уже через пару дней вновь почувствовать в себе силы и желания.

Еще в Москве, мечтая о том, как будет она проводить время летом в доме на морском берегу, Лариса представляла себе свой «отдых» и развлечения несколько иначе: ей рисовались мужчины случайные, повстречавшиеся ей прямо на улице, а потому в ее мысленно зарождающихся отношениях с ними всегда присутствовал элемент риска, если не опасности. Но то были мечты, а в реальной жизни она предпочитала во всем, даже в этом, порядок, надежность и безопасность. Обеспечить подобное способны были лишь люди проверенные, на которых она могла положиться и работа которых, само собой, хорошо оплачивалась. Таким человеком был муж хозяйки дома, снятого ею какое-то время назад. С ним Лариса без труда смогла обо всем договориться в первое же их знакомство. Более того, ей показалось, что, не обратись она к нему с подобным предложением, он сам бы спровоцировал ее на это, поскольку имел не один дом на берегу и сдавал их, как правило, постоянным квартирантам, преимущественно одиноким. Состоятельным мужчинам, приехавшим отдохнуть, он предлагал местных «чистых» девушек, а женщинам – мужчин. И даже его жена ничего не знала об этом побочном бизнесе мужа – она была уверена, что он, так же как и она, занимается исключительно хозяйственными делами, связанными с благоустройством квартирантов, за счет которых они, собственно, и жили.

...Босая, прижимая к груди белье, Лариса усталой походкой направилась в ванную, а спустя четверть часа вышла оттуда распаренная, чистая, закутанная в махровую простыню и без сил повалилась на кровать в спальне. Глаза закрылись, все пережитое за ночь растворилось в сознании, как вино в крови, и она крепко уснула. А ближе к вечеру проснулась, поужинала тем, что нашла в холодильнике, и, усевшись перед зеркалом, принялась приводить себя в порядок. Этот вечер у нее был свободным, ее никто не ждал, а потому можно было спокойно прогуляться по берегу моря, выпить вина в каком-нибудь ресторанчике на пляже, чтобы потом вернуться и устроиться на диване среди подушек перед телевизором.

Закончив с прической и макияжем и окинув взглядом заставленный коробочками и флакончиками столик, она в который уже раз открыла маленький сундучок из яшмы и высыпала оттуда себе в ладонь бриллиантовые сережки, перстень и прочие золотые вещицы. Кто бы знал, как хотелось ей надеть все это на себя перед тем, как отправиться на свидание или просто на прогулку! Но решиться на подобное она не могла – боялась грабителей. Уж слишком дорогими были украшения, слишком броскими, чтобы не опасаться их потерять.

Она надела сережки, и цепочку, и золотые часики, перстень и браслеты на обе руки, полюбовалась на себя в этом великолепии и, вздохнув, вновь вернула их в сундучок. Ведь главное, что они у нее были!..

Прогулка по берегу закончилась небольшим ужином в ресторане, откуда Лариса вернулась домой одна, немного грустная и подавленная: ни один из мужчин в ресторане даже не обратил на нее внимания. ... Решив для себя, что это, может, и к лучшему, она, открыв калитку, прошла по усыпанной гравием дорожке к крыльцу, поднялась на него и принялась отпирать многочисленные замки. И тут ей показалось, что сзади нее кто-то стоит. Решив не поворачиваться, тем более что все замки были уже отперты, Лариса, распахнув дверь, бросилась вперед, все так же не оглядываясь и пытаясь захлопнуть ее за собой, но почувствовала сопротивление – кто-то мешал ей это сделать.

– Кто вы? – спросила она, дрожа всем телом и чувствуя, как сжимаются ее челюсти, мешая ей говорить.

– Стой спокойно и не шевелись... – услышала она голос и замерла, чувствуя, как незнакомец делает нечто странное на ее голове, словно поправляет прическу; затем чьи-то прохладные руки затрепетали вокруг ее талии, груди, стали щекотать в вырезе ее платья, и сразу же запахло чем-то непонятным, животным...

– А теперь повернись, – приказал тот же голос, и, прежде чем Лариса успела закричать или позвать на помощь, ей на грудь плеснули какую-то прохладную жидкость.

Она так и не поняла, как же оказалась в темной ванной комнате, где ее заперли. Сидя на краешке ванны и от ужаса не в силах даже думать, она вся обратилась в слух... Кто-то ходил по дому, словно бы разговаривая сам с собой, затем послышался скрип двери – незваный гость вошел в большую комнату, а оттуда в спальню, где на столике стоял сундучок с драгоценностями... Ей даже показалось, что мимо нее, совсем рядом с дверью ванной комнаты, протаскивали по полу что-то тяжелое... А затем все стихло – дом снова опустел. Грабитель ушел, прихватив все ее драгоценности...

Она заставила себя подойти к двери и попытаться открыть ее. Оказалось, что дверь уже отперли. Лариса вышла из темной ванной комнаты и зажмурилась от яркого света в прихожей.

– Кто здесь? – прошептала она, давась слезами. – Кто здесь?

Она уже мысленно попрощалась со всеми своими сокровищами...

Но ей никто не ответил. Тогда она бросилась в комнату – пусто! – а оттуда в спальню... Она еще издали увидела на столике сундучок и в нем, как ей показалось, сверкали ее бриллианты... Но тут произошло нечто неожиданное – она зацепилась обеими ногами за какое-то препятствие – мягкое, упругое, словно валик дивана, и упала лицом вниз... Тотчас поднялась и вдруг, увидев перед собой нечто, закричала так, что мгновенно сорвала голос... А спустя несколько минут сердце ее уже перестало биться. Она умерла, глаза ее затуманились, превратившись в подобие мутного стекла, а потому уже не могли увидеть того, кто ее переодевал, обмывал и с пузырьком в руках проделывал над ней необычные манипуляции... Возможно, если бы ее еще теплые голосовые связки могли воспроизвести звук, это был бы полный невыразимой душевной боли крик отчаяния: несколько не смущаясь видом трупа, грабитель спокойно упаковал в большой пластиковый пакет все ценное, что только нашлось в доме, включая драгоценности и деньги, и не спеша покинул его, тихо притворив за собой дверь.

* * *

3 мая 1999 г. Мамедова Щель.

Задушена отдыхающая, Васильева Лариса, проживающая в снятом ею доме. Похищены все ее вещи. Приехала из Москвы, нотариус.

5 мая 1999 г. Туапсе.

Ограблен ювелирный магазин. Его директор Мисропян и охранник Бокалов исчезли. Пропало драгоценностей на общую сумму в четыре миллиона рублей.

8 мая 1999 г. Голубая Дача.

Хозяина кафе «Ветерок» и оптового склада «Парнас» Шахназарова нашли зарезанным в собственном доме.

3 июня 1999 г. Лазаревское.

На городском пляже, в кафе «Жемчужина», в котле с кипящим маслом обнаружены две пары человеческих ушей.

Хозяин частной гостиницы и двух ресторанов – «Лазурь» и «Парус» – Мухамедьяров и его бармен Аскеров найдены мертвыми на чайной плантации в местечке Волконка. Оба трупа без ушей.

* * *

«Катя, ты будешь главной...» – стучало в висках.

Екатерина Ивановна Смоленская вышла из кабинета Генерального прокурора на ватных ногах. Несмотря на большой опыт работы и возраст (ей было уже под пятьдесят), она так и не научилась преодолевать робость при встречах с начальством. Ей бы задрать нос повыше – как-никак именно ее назначили главной в следственной группе по сочинскому делу, а у нее от страха ноги подкашиваются.

Вернувшись к себе, она сразу же вызвала Пашу Баженова, Виталия Скворцова и Михаила Левина, всех тех, кого ей назначили в помощники.

– Завтра утром летим в Адлер. На морские купания не рассчитывайте – работы по горло. У тебя, Миша, есть еще время, поэтому постарайся покопаться в компьютере: где-то я уже слышала про эти отрезанные уши, плавающие в кипящем масле. Если не успеешь, дай задание своим ребятам. Вполне возможно, что я пересмотрела слишком много детективов, но если так, это еще лучше – проще будет установить, кто еще на Черноморском побережье увлекается подобной кинострапней. А я устала, хочу есть и спать. Завтра встречаемся в аэропорту. Вопросы есть?

– Есть. – Паша Баженов, рыжий, пухлый, симпатичный мужчина тридцати пяти лет, невесело улыбнулся, показывая крепкие белые зубы. – Кать, мне бы анальгинчику сейчас, а то голова болит...

– У всех болит. – Смоленская достала из кармана упаковку анальгина. – А ты чего молчишь, Виталья? С женой помирился?

– Да с ней помиришься. – Невысокий, напоминающий корявый пенек Скворцов достал платок и промокнул лысину. – Ничего слышать не хочет – возьми ее с собой...

– Так и возьми, но только чтобы никто ничего не знал, – вдруг неожиданно для всех согласилась Смоленская. – Только предупреди ее, что будешь не на пляжике рядом с ней валяться, а в мыле мотаться по побережью... Я уж не знаю, почему вы не ладите, но мне твоя жена всегда нравилась. Разве что слишком шумная... Если больше вопросов нет, тогда до завтра.

Уже дома, в Крылатском, набрав телефон Изольды, находящейся сейчас от нее в паре тысяч километров, Екатерина усмехнулась: вот и все развлечения на сон грядущий – поговорить с близким и родным человеком.

– Привет, Изольда... Как дела? Ты еще не спишь?

– Нет, у меня тут такое... Что-нибудь случилось?

– Завтра летим в Адлер, а у меня полный завал с Князевым. Боюсь, что его убийство может зависнуть без твоей помощи – уж больно похожа девица с князевской фотографии на твою.

– А при чем здесь Адлер? Ничего не понимаю.

– Да нет, к Князеву это не имеет никакого отношения, просто на меня повесили еще одну серию убийств, и знаешь где? Туапсе, Лазаревское, Голубая Дача... И чего не живется людям? Обьедались бы черешней, купались в море и загорали на солнышке... Разве это не райская жизнь?

– Для кого-то, может, и райская, но только не для тебя... Могу себе представить, как ты будешь там жариться на солнце, не имея возможности отдохнуть... Лучше бы ты осталась в Москве и помогла мне навести справки о Елене Пунш... У нас в городе нет женщины с такой фамилией, я проверяла.

– А кто эта Пунш? Что она сделала? Ее убили?

– Если бы ты только знала, что у нас здесь произошло, ведь в Валентину стреляли... – И Изольда рассказала все, что знала о Пунш, Варнаве, их романе, который закончился исчезновением Пунш, и, конечно, о событиях последних дней, связанных с ее племянницей.

– Странная особа... Говоришь, любила кататься на цирковом шарабане?

– Вот такие наши дела... Все, – Изольда вдруг задышала часто-часто, – извини, но я не могу с тобой сейчас говорить. Позвонишь мне с моря, оставишь телефоны, факсы, хорошо? И постарайся все-таки узнать про Пунш, а я в свою очередь попробую как-то связать Веру Холодкову с твоим Князевым... Ну все, целую.

* * *

Утром Изольды уже не было – она умчалась на работу. Уверенная в том, что Варнава спит в соседней комнате, я на цыпочках подошла к двери и тихонько постучала. Затем, не дождавшись ответа, потянула за ручку: дверь отворилась, и я увидела аккуратно застеленную кровать. Варнавы не было! Я обошла всю квартиру в его поисках, но не нашла даже элементарной вежливой записки. Все меня бросили.

И тогда я разозлилась, причем по-настоящему. Я даже не стала звонить Изольде – пусть теперь поищет свою племянницу!

Передвигаясь по квартире, я успела заметить следы пребывания ставших в один день мне ненавистными Изольды и Варнавы: грязные тарелки с остатками яичницы и салата из свежих огурцов, утонувшее в мыльнице мыло и два мокрых полотенца в ванной комнате, аромат Изольдиных японских духов «Шасейдо» и запах свежего йода. Выпив чашку кофе и сделав себе самостоятельно перевязку, я решила вернуться к себе домой, все хорошенько обдумать, а уж потом выработать план действий.

Что мне в тот момент нужно было от жизни? Да все. Мне хотелось испытать себя, попробовать стать другой, чтобы, изменившись и набравшись новых сил, стать такой, как Пунш, которая, словно живая, стояла перед моими глазами и смеялась надо мной своим ярко окрашенным ртом. И хотя я ни разу не видела ее, кроме как на фото, мне казалось, что она именно такая: яркая, бросающаяся в глаза, эффектная, сногшибательная, шикарная, потрясающая!

У меня тоже не маленький рост – почти сто семьдесят восемь с половиной, а с каблуками и того выше. Волосы намного светлее, чем у Пунш, но все равно длинные и могут быть в любой момент окрашены в любой цвет. А все остальное – дело техники. К черту блеклые тона, да здравствует красная помада!

Спустя час я вышла из квартиры своей любимой тетушки в ярко-желтом, свежeweглаженном платье Пунш, в Изольдиных белых туфлях на шпильке; волосы развевались на ветру, собранные в конский хвост, очки скрывали мои глаза, а ярко окрашенные, вызывающие губы так и шептали словно заклинание: «Я Елена Пунш! Я Елена Пунш!»

Варнава, который сильно повредил мои мозги, исчез в неизвестном направлении. Должно быть, они с Изольдой поехали по его имущественным делам – выяснять, что же такое представляет собой свинья по фамилии Блюмер, который так беззастенчиво ограбил его среди бела дня.

Я шла по улице, ощущая, как приятно обдувает мое тело утренний свежий ветер, как играет он волосами, как грозит забраться под подол. Платье, хоть и чужое, было мне впору, и чувствовала я себя в нем просто превосходно.

Я собиралась было перейти улицу, чтобы дождаться автобуса, который довез бы меня до самого дома, как вдруг возле меня остановилась большая белая машина. Дверца распахнулась, и смуглый мужчина с нависшими надо лбом черными блестящими кудрями и выразительным цыганским лицом хмуро уставился на меня:

– Опаздываешь. Садись.

И я села. Ведь теперь я уже не принадлежала себе. Я превратилась в другую девушку, ту самую, в которую был до смерти влюблен Варнава.

– Я сделал все, как ты просила. Все остается в силе. Только в следующий раз не опаздывай – я думал, что больше не увижу тебя.

– А ты мне не указывай, – вырвалось у меня, – если опоздала, значит, на то была причина.

– Дура, я же за тебя переживаю. Две недели назад на Набережной нашли женский труп. Платье – ну прямо как у тебя. Думал, что ЕГО работа. Ты о нем что-нибудь слышала ТАМ?

– Нет, ничего.

– Я знаю, почему ты злишься, но осталось ждать совсем немного. Катя и Роза прилетели три дня назад. Они хорошие девочки.

Я ничего не понимала.

– Я устала, – произнесла я с чувством, чтобы хотя бы по реакции на эту довольно-таки нейтральную фразу понять, какую роль в жизни этого кудрявого парня занимает та, за которую он меня принял.

– А мы устали тебя ждать.

Он гибким кошачьим движением мягко коснулся моей щеки своей и заурчал, из чего я поняла, что они с Пунш были в довольно близких отношениях. Мне еще тогда пришло в голову, что не хватало только переспать с этим цыганом...

– У тебя новые очки... – Его рука поползла мне под платье.

– Старые разбились. А что Варнава? – Я убрала его руку и нахмурилась.

– Как договаривались. Я же тебе сразу сказал – все остается в силе.

– А Блюмер?

– Можешь не переживать, с ним все в полном порядке – молчит.

– И все-таки, что с Варнавой?

Цыган не ответил. Мы подъезжали к Глебучеву оврагу. В конце зеленой, засаженной высокими тополями улицы, прямо перед нашей машиной распахнулись голубые ворота, и я увидела большой красивый дом.

– Ты зайдешь или принести тебе сюда? – очень удобно для меня, бестолковой, построил он свой вопрос, от которого теперь многое зависело.

– Принеси все сюда... У меня билеты, я улетаю. Приеду позже и все объясню.

Внутри меня клокотал страх, он заставлял мои волосы шевелиться на голове, а живот и вовсе скрутило от всего происходящего. Я не ожидала от себя такого идиотизма. Мне хотелось зажмурить глаза и оказаться в доме Изольды, под теплым пледом...

Цыган между тем ушел. Вернулся с черным кейсом. Склонившись передо мной, уложил его на переднее сиденье и открыл. Я увидела аккуратно сложенные деньги: пухлые пачки наших сотенных и пятидесятирублевых, а также стодолларовых купюр, тоже потрепанных. Это была огромная сумма.

Я молча, все еще находясь в шоке, кивнула, после чего цыган захлопнул кейс и кинул его на заднее сиденье.

– Тебя куда: в аэропорт?

– Нет, высадишь меня возле моста и возвращайся. Так надо.

Он беспрекословно слушался меня. Машина, взревев, стала поднимать нас по той же крутой пыльной дороге наверх, из оврага, навстречу небу, солнцу и нормальным людям. Мне казалось, что в Глебучевом овраге живут НЕлюди.

А через пару минут я уже выходила из машины с кейсом в руках. Цыган подошел ко мне и поцеловал в щеку.

– У тебя другие духи, – сказал он, и тут я увидела, что он красивый, более того, я вдруг почувствовала, насколько он может быть нежен с женщиной, со мной ли, или с Еленой Пунш.

Мне стало ясно, что передо мной не простой цыган, а, быть может, молодой цыганский барон, до того он был хорош, румян, белозуб...

– Я сегодня вся другая... – ответила я довольно сухо и сделала несколько шагов в сторону оживленной трассы. Меня неудержимо влекло туда, где было много машин, а значит, и людей, которые, если я вдруг закричу, придут на помощь.

Цыган махнул мне рукой, улыбнулся, сел в машину и скатился обратно вниз, в овраг, в свой Свиной тупик, очевидно. И не успела я перевести дух, чтобы найти в себе силы остановить другую машину, которая доставила бы меня домой, как с трассы туда же, в Свиной тупик, повалили, визжа тормозами и поднимая колесами пыль, пять самых разных машин без номеров. От этого шума и нехороших предчувствий у меня засосало под ложечкой.

Спрятавшись за припорошенными бело-розовой пылью кустами дикой смородины, росшей под мостом, я увидела, как голубые ворота, доверчиво распахнувшиеся перед белой машиной цыгана, впустили и эти пять машин. Из них повыскакивали парни с автоматами и начали палить кругом. Затем они ворвались в дом и открыли там стрельбу... За стеклянным крошевом окна изрешеченной свинцом белой машины я увидела окровавленную голову цыгана.

Спустя считанные минуты парни с автоматами уже сидели в машинах, уносивших их с места кровавой бойни в сторону Жасминного поселка, вон из города.

Понимая, что мне в такой ситуации оставаться под мостом никак нельзя, что уже через минуту-другую в Глебучев овраг ворвутся милицейские «канарейки», я выскочила на дорогу, с трудом перебежала ее и, остановив скромный старенький «Москвич», попросила такого же скромнягу водителя отвезти меня домой.

Уже возле первого светофора нам навстречу попало два милицейских фургона. «И кто знает, – подумала я тогда, – возможно, в одном из них сидит моя Изольда...»

* * *

После бессонной ночи Изольда чувствовала себя совершенно больной и разбитой. Работать в таком состоянии было невыносимо тяжело. Быть может, поэтому она, подбросив Варнаву к рынку, где он собирался разыскать какого-то знакомого, у которого он мог бы снять комнату, Изольда помчалась не в прокуратуру, а в лес.

Было раннее утро, в лесу было прохладно, пахло сырой хвоей, воздух полнился щебетом просыпающихся птиц; зеленая машина стояла между розовоствольных сосен и гармонично сливалась с этим утренним, преисполненным покоя пейзажем. Изольда крепко спала, откинувшись вместе с сиденьем назад, и видела во сне маленькую девочку с огромным голубым бантом на светловолосой пушистой головке. Девочка убегала от нее, хохоча и показывая маленькие редкие зубки, а Изольда, вытянув вперед руки, пыталась ее схватить, но едва приблизилась к ней, как, хлопнув ладонями, увязала в тугом и упругом, словно мармелад, теплом воздухе – девочка оказалась призраком и отдалялась неестественно быстро, словно ввинчивалась в спиралеобразном воздушном потоке в гулкий и долгий прозрачный тоннель...

От таких видений Изольда быстро просыпалась. Это был один из ее постоянных фантазмагорических снов, приносивших ей, с одной стороны, светлые минуты неосознанного материнского счастья, а с другой – сравнимое только с нечеловеческой физической болью чувство неудовлетворенности, граничащее с чувством потери части своей плоти и даже всей сущности. Эта девочка должна была родиться, но ведь не родилась же. У Изольды не было детей и, пожалуй, никогда не будет. Нет, конечно, не будет, ведь ей уже сорок пять и ее некогда здоровое и нежное тело теперь хоть и сохраняет внешнюю привлекательность, но изнутри подточено временем. Что поделаешь, такая у нее работа.

Она открыла глаза, села и тряхнула головой. Птичий гомон вызвал прилив теплого радостного ощущения – беспричинного и благостного. Вероятно, таким образом организм и сознание очищались от серого заплесневелого налета повседневности, апатии и уныния.

Из зеркала на нее смотрела хорошо отдохнувшая и даже помолодевшая женщина с ясными зелеными глазами и едва заметным румянцем на щеках. Вот только растрепанные седые пряди основательно портили женский портрет, навязывая ему истинный возраст.

Вздыхнув и приняв решение в ближайшем будущем посетить парикмахерскую, Изольда вернулась в город, купила по дороге пачку печенья и уже в прокуратуре, войдя в свой кабинет, первым делом включила кофеварку.

Старший опер уголовного розыска Вадим Чашин появился чуть позже – вошел, предвзрительно постучавшись и улыбнувшись, как мог улыбаться Изольде только он (несколько смущенно и восхищенно одновременно), – и вежливо спросил, не перепадет ли и ему чашечка кофе.

– Проходи, Вадим, садись, у меня накопилось столько дел, что без тебя не управиться. Одна писанина замучила – мешает работать по-настоящему.

– А вы сегодня такая красивая... Глаза блестят. Спали, наверно, хорошо.

– Да нет, спала-то я как раз плохо. Просто утром съездила в лес, подышала свежим воздухом. Чувствую, что сегодня будет сложный денек. У тебя есть новости о Холодковой?

– Результаты экспертизы подтвердились: в крови Холодковой была лошадиная доза героина, и, если судить по состоянию ее вен, то последний, роковой укол она сделала явно не сама, да и вообще до момента гибели она была совершенно здорова и не была наркоманкой... Ее могли пытаться и даже бить, потому что некоторые следы на ее лице свидетельствуют именно о побоях, нанесенных ей еще до того, как ее сбросили...

– Установили, с какого этажа?

– С восьмого, из номера восемьсот третьего; известно даже, что Холодкова в тот день пришла в гостиницу одна, подошла к администратору и сказала, что, если ее будут спрашивать, она в триста третьем номере...

– Не поняла, ты же только что назвал восемьсот третий...

– Это она сказала, что будет в триста третьем, а на самом деле поднялась на восьмой этаж. Но самое интересное заключается в том, что она была не в желтом платье, а в сером костюме... Его и нашли именно в восемьсот третьем номере, в котором обнаружили явные следы борьбы... Мужчина-командированный, живущий по соседству, рассказал, что в день, когда Веру нашли на ступеньках Набережной, он слышал за стеной шум, ругань, высокий женский голос выкрикивал отдельные слова, что-то вроде «отпусти!», «это не я», «позови Сару»... А потом стало тихо, хлопнула дверь, и послышался звук удаляющихся по коридору шагов.

– В номере нашли следы крови, шприц – что-нибудь свидетельствующее о том, что ее били или пытали?

– Нет, ничего... Только следы босых ног на пыльном подоконнике да туфли на ковре. А серый костюм висел на плечиках в ванной комнате.

– Понятно, значит, она специально переделалась... Что ж, это уже кое-что, тем более что теперь я просто уверена, что это убийство. А ты не узнал, кто снимал этот номер?

– Администратор молчит, а по журналу регистрации выходит, что номер долгое время оставался пустым.

– Значит, в нем останавливался человек, имени которого никто не должен был знать. Потому что, если бы речь шла о свидании проститутки с обычным клиентом, навряд ли стали скрывать его имя... Значит, клиент или гость – не из простых смертных. Что еще?

– А еще я узнал адрес ее лучшей подруги, которая могла бы нам многое рассказать о Вере...

– А что известно о ее родителях? Они живы?

– Живы и вполне благополучно существуют за счет дочери. Во всяком случае, так говорят соседи... Но старики ничего не знают о человеке, с которым их дочь встречалась в последнее время. Она с ними, само собой, не делилась, не откровенничала, а просто приносила им деньги или продукты. А они и рады, что про них не забыли. В плане информации, мне думается, было бы интереснее побеседовать с ее подружкой, коллегой по работе, так сказать... Вы не хотите поехать к ней вместе со мной?

– ?..

– Понимаете, я мог бы, конечно, допросить ее и сам, но вам, женщине, она выложит больше, чем мне, мужику...

– Ой, не скажи...

В это время зазвонил телефон, и Изольда, успевшая разлить кофе по чашкам, взяла трубку:

– А... Привет. Слушаю тебя внимательно. Так, хорошо, я все поняла. Спасибо. Я и сама слышала эту фамилию и чувствовала, что уже где-то и когда-то сталкивалась с ней, но никак не могла вспомнить. Тем более что она такая запоминающаяся... Спасибо, – она положила трубку. – Вадим, ты тоже знал этого человека – адвокат по фамилии Блюмер! Вспомнил?

– Если честно, то нет.

– Да это и неважно, главное, что мы определили, кто такой Блюмер. Лев Борисович. Адвокат из областной коллегии адвокатов, его контора находится возле краеведческого музея, в одном дворе. Давай сделаем так – поедem вместе и к Блюмеру, и к подружке Холодковой, идет?

– А что с ним стряслось-то, с вашим Блюмером? – Чашин прожевал печенье и запил его глотком кофе. – Он тоже проходит по этому делу?

– Нет, Вадим, он проходит по МОЕМУ делу. Поехали, я тебе расскажу кое-что интересное по дороге. Допивай скорее кофе, а вернемся, я сварю тебе еще.

* * *

Я понимала, что с минуты на минуту ко мне домой может приехать Изольда, и тогда начнутся расспросы-вопросы, выяснения отношений. Сказать, что я приревновала тетку к Варнаве, – было бы лишь малой частью того чувства, которое заставило меня вычеркнуть их обоих из моей жизни. Главное, что они не восприняли меня всерьез. А ведь если бы не я, они бы вовсе не познакомились. Но люди – существа в высшей степени неблагодарные. Особенно я обиделась на Изольду – она же знала, что я влюблена в Варнаву. Как могла она помешать нам побыть вместе! Мало того – всячески препятствовала этому, устроила из перевязки целый моноспектакль, где главные роли исполняли она и Варнава.

Меня разбирало любопытство: потерял ли Варнава сознание из-за того, что увидел снимок с мертвой женщиной, или он отключился из-за общего физического состояния, из-за потери крови, например?.. И почему меня никто не разбудил утром, чтобы рассказать об этом и посвятить в свои планы?

«Они забыли меня, забыли...»

Твердя это, я собрала чемодан со своими вещами, переложила деньги из чужого кейса в обычную дорожную сумку и, прихватив чемодан, набитый вещами Елены Пунш, заказала такси в аэропорт. В таком состоянии, в каком я находилась в тот момент, лучшее, что я могла придумать, – это отправиться на море, туда, откуда я совсем недавно приехала. Только теперь мне предстояло не столько согреть свое тело, сколько зализывать раны, совсем еще свежие, кровоточащие раны на сердце. Безответная любовь – это как неизлечимая болезнь.

Чтобы не вляпаться еще в какую-нибудь историю, я вышла из дома уже не в том желтом роковом платье, в котором меня так легко приняли за Пунш, а в более скромной и не броса-

ящейся в глаза одежде, да и прическу свою изменила, зачесав волосы назад и спрятав их под маленькую соломенную шляпку. Очки я тоже сменила – надела желто-зеленые, «стрекозы», почти детские. Я была уверена, что в таком виде меня не признала бы даже мать родная – настолько нелепо и инфантильно я выглядела.

В аэропорту я купила билет на ближайший рейс в Адлер и в ожидании начала регистрации забила в самый темный угол мраморного гулкого зала, прикрывшись еще для надежности газетой: Изольда далеко не дура и сможет вычислить меня, какие бы наполеоновские планы или козни я ни строила. Но, с другой стороны, навряд ли ей сейчас, в первой половине дня, есть дело до полоумной племянницы, сладко посапывающей в теплой постели и смотрящей эротические сны с Варнавой в главной роли. Конечно, где-нибудь после обеда она вспомнит обо мне и позвонит, чтобы спросить, как самочувствие, не болит ли плечо и не появлялся ли Варнава. Посоветует мне не волноваться, побольше лежать, пообедать подогретыми котлетами и щами, а затем постараться снова уснуть. Забота, ничего не скажешь.

В раздумьях о так и не съеденных мною подогретых котлетах (я уже к тому времени успела проголодаться) прошли три с половиной часа, отпущенные мне на ожидание моего рейса. Оба чемодана я отправила вместе с багажом остальных пассажиров, а дорожную сумку, набитую деньгами, оставила при себе. Если бы я знала, где в нашем городе можно купить парашют, то непременно приобрела бы эту ценную вещь: мало ли что может случиться в воздухе?..

Уже поднявшись на самую высокую ступеньку трапа и шурясь от яркого июньского солнца, я вдруг поняла, что по моим щекам снова текут предательские слезы – мне почему-то так захотелось увидеть маму... Нет, права была Изольда, когда относилась ко мне, как к ребенку. Слезы – это ли не проявление слабости и неразвитости души, находящейся пока еще в состоянии бутона?

* * *

– До чего же здесь жарко! – Екатерина Ивановна Смоленская сидела в кабинете директора ювелирного магазина города Туапсе и с тоской смотрела сквозь окно на ярко освещенную узкую улочку, радующую взгляд зеленью молодой листвы и фрагментом небесного ультрамарина.

Экспертная группа, работавшая здесь все утро, уже уехала – теперь оставалось ждать результатов.

– Очень жаль, что украли кондиционер. Думаю, что в ваших краях это не роскошь, а совершенно необходимая вещь.

Она разговаривала с оперуполномоченным сочинского уголовного розыска Николаем Рябининым.

– Скажите, что вы сумели за это время узнать о Мисропяне? Вы разговаривали с его друзьями, близкими? Что они говорят? Известно ли им о каких-либо угрозах в адрес... – Смоленская с трудом вспомнила имя исчезнувшего директора ювелирного магазина: – Яши Мисропяна.

– Никто ничего не знает. У Мисропяна красивая молодая жена, маленький сын, они живут на самой окраине Туапсе в своем доме. Известно только, что накануне Мисропян ездил в Лазаревское за вином. Якобы кто-то из его грузинских друзей позвонил ему и сказал, что привезет две бочки и оставит их у общего знакомого в Лазаревском.

– Он привез вино?

– Жена говорит, что никакого вина он не привозил, но приехал очень поздно, внешне выглядел вполне довольным, из чего она сделала вывод, что встреча с другом прошла хорошо. Я понял так, что у них в семье не принято, чтобы жена задавала мужу лишние вопросы. Но мы с Кариной, так зовут его жену, обошли все пристройки, заглянули в погреб – вина нигде

не нашли. Я спросил ее, что это был за друг, но она ничего не знает; у ее мужа слишком много знакомых, чтобы можно было всех упомянуть. Хотя чувствуется, что она любит своего мужа. И страшно волнуется...

Смоленская подумала, что жена Мисропяна наверняка произвела сильное впечатление на Рябинина, но промолчала. Да и с какой стати ей вообще говорить на эту тему?

Магазин грабили если и не профессионалы, то вполне удачливые люди. То, что они действовали в перчатках, понятно – сейчас любой школьник знает про отпечатки пальцев. Но вот как грабители смогли обезвредить без шума и выстрелов здорового охранника, крепкого русского парня по фамилии Бокалов, оставалось неясным.

Ключи от сейфов (их было целых три!) были на месте, то есть торчали из замков так же, как все остальные – от ящиков столов, шкафа, витрин. Бархатные футляры, мягкие, обтянутые сафьяном подставки для украшений тоже остались на месте: воры наверняка ссыпали драгоценности в обычную сумку. Судя по тому, что ни одно изделие не упало, времени на то, чтобы обчистить магазин, было более чем достаточно.

– Украла драгоценности и все документы, все до клочка бумаги... Магазин, насколько я поняла, государственный?

– Да, государственный.

– Значит, ограбили не Мисропяна, а государство, – изнемогая от жары и внезапно обрушившихся на нее лени и усталости, проговорила Смоленская, вытирая взмокший лоб платком. – А в Лазаревском есть ювелирный магазин?

– Конечно, есть, и не один. Вы хотите узнать, где был Мисропян четвертого мая вечером?

– Именно. Постарайтесь выяснить адреса всех знакомых Мисропяна в Лазаревском, а я поеду поговорю с его женой.

Карина, молодая худенькая шатенка с огромными черными глазами, встретила ее вопрошающим взглядом: она ждала самых худших известий.

– Не волнуйтесь так, – попыталась успокоить ее Смоленская. – Его нигде не нашли... Так что еще есть надежда.

Карина стояла по другую сторону ажурной литой калитки, за которой просматривался огромный тенистый сад с расположенной слева, увитой виноградными листьями беседкой, а справа – большой пестрой ухоженной клумбой с желтыми и розовыми цветами, напоминающими крупные маргаритки. И только много дальше, чуть на возвышении, белел двухэтажный, с красной деревянной террасой дом.

– Проходите, пожалуйста. – Карина даже не спросила удостоверения, она интуитивно почувствовала, откуда и по какому делу приехала к ней сюда, на самую окраину города, молодая уже, коротко стриженная блондинка в строгом светлом костюме, с кожаной папкой под мышкой. – Я сейчас принесу черешни... поговорим.

Они сидели в беседке за столом и разговаривали. Руки Карины, красивые, с длинными пальцами, чуть заметно дрожащими от волнения, лежали на скатерти. Домашнее платье из плотного шелка напоминало расцветку павлиньего хвоста.

– Вот вы сказали, что еще есть надежда... А я знаю, что с Яшей случилась беда. Да вы и сами это понимаете. Несмотря на то что у нас с ним большая разница в возрасте, мы понимали друг друга, и хотя я постоянно делала вид, что подчиняюсь ему, мне это было нетрудно... Ведь он так заботился о семье, так любил меня и сына. И если я чувствовала, что ему иногда надо развеяться, расслабиться с друзьями, то заранее прощала ему женщин, которые будут там... – она махнула рукой в пространство, – ...с ними, с мужчинами. Мужчины устроены иначе, чем мы. Я ждала его, и он всегда возвращался... А это самое главное.

– Вы хотите сказать, что он изменял вам?

– Думаю, что да. Но мы с ним не говорили об этом. Бывало, конечно, что он возвращался на следующий день, утром, но я его ни о чем не спрашивала. Я понимаю, для вас, женщины,

которая занимается таким серьезным делом, РАБОТАЮЩЕЙ женщины, это может показаться странным, но Мисропян взял меня из такой бедной семьи, он так много сделал для моих братьев, сестер и родителей, что...

– Да я понимаю... Меня интересует, какие отношения у вашего мужа были с его охранником, Бокаловым?

– Нормальные. Он взял Сергея сразу, как только увидел его. Это такой высокий и сильный парень, служил в Чечне, многое повидал. Яша ему верил, как себе.

– У Бокалова тоже есть семья?

– Нет, он живет один, не хочет жениться. Думаю, что его испортили женщины-отдыхающие, которые приезжают к нам на море, чтобы развлечься. Я не знаю, может, у него характер такой, что его не тянет к семейной жизни, а может, возраст еще не подошел...

– У вашего мужа только одна машина? – Смоленская повернула голову в сторону красного джипа, стоящего перед воротами гаража.

– Нет, в тот день он был на черном «Мерседесе».

– А куда подевался ваш бухгалтер, Наталия Петровна Донцова?

– Наташа в отпуске, Яша отпустил ее в Пермь, к матери. Но при чем здесь машины?

– Видите ли, Карина, ваш муж был... точнее, является директором государственного ювелирного магазина, то есть у него оклад. Повторяю: ОКЛАД. И не мне вам объяснять, что это значит. Но у вас во дворе стоит новенький джип... Поэтому мне было бы любопытно изучить всю бухгалтерию магазина, чтобы понять, как же это могло случиться, что в таком крохотном городке, как Туапсе, в ювелирном магазине, выручка которого, на мой взгляд и исходя из общего уровня доходов здешних жителей, довольно низкая, директор этого магазина умудрился так разбогатеть, что позволил себе содержать такой роскошный автомобильный парк. Надеюсь, мысль моя ясна?

– Понимаете, мой муж не посвящал меня в свои дела.

– Я почему-то так и думала, что вы это скажете. Тогда немного сменим тему. У него были постоянные любовницы? Вы знали их?

Карина опустила голову. Она плакала, и слезы тяжело капали на белую скатерть.

– Не то что знала, но иногда мне приходилось встречать их здесь, как гостей, угощать и даже оставлять на ночь...

– Не поняла...

– Друзья Яши приезжали к нам на машинах целой компанией, а среди них всегда были девушки, которые были знакомы и с моим мужем, – это же невозможно скрыть... К тому же они пили вино, а язык после этих возлияний развязывался сам собой, и девушки уже открыто намекали Мисропяну, что... – Она запнулась и, достав платок, высморкалась. – Мне приходилось все это терпеть – у меня не было другого выхода. Многие наши женщины, мои знакомые, жены друзей Мисропяна, живут так же, как я, – без прав... Но мне все равно, пусть даже их у него было много, я ему все прощу, пусть он только вернется... – И она разрыдалась. – Но он не вернется, я чувствую, не вернется... И вы тоже это знаете. Если магазин ограбили – это сделали не местные, Мисропян пользовался здесь авторитетом, и никто никогда бы так с ним не поступил. А чужие наверняка убили его.

Она уже рыдала в голос.

– Но если говорить о женщинах, то была у него в последнее время одна... Она не похожа на всех остальных: приезжая, хотя и не из отдыхающих... Красивая молодая женщина, высокая, белокожая, шикарно одетая, похожая на артистку... Все мужики на побережье, по-моему, голову потеряли из-за нее.

– И что же в ней такого особенного?

– Есть шлюхи красивые, но дуры, а вот она и красивая, и умная. И я почти не ревновала к ней, потому что понимала – мне до нее далеко...

– Вы можете ее описать?

– Конечно, могу. Высокая, – Карина руками совершила несколько плавных движений, обрисовывая воображаемую фигурку женщины, – стройная, волосы длинные, она носит высокий конский хвост светло-русого оттенка с почти белыми прядями... В тот вечер на ней было платье с пышной юбкой, знаете, необычное платье, такие сейчас не в моде... Белое, очень хорошо сшитое, с черной широкой каймой... Такое платье могла носить Элизабет Тейлор или Мэрилин Монро... Но оно особенно хорошо смотрелось именно на высокой девушке, такой, какой была Лена... Вспомнила! Ее звали Лена!

– Отлично... – Смоленская что-то пометила у себя в блокноте. – Значит, белое платье с черной каймой...

– Да, очень красивое и необычное платье. Я бы даже сказала – вызывающе шикарное, сшитое из дорогой ткани... Вы думаете, она, эта женщина, имеет какое-то отношение к исчезновению Яши?

– Не знаю. Пока, во всяком случае, не знаю. Она тоже была здесь, эта Лена?

– Была, но только приезжала с одним человеком... Шахназаровым. Он представлял ее своей невестой. Но когда он на минутку вышел из комнаты, Яша сказал мне на ухо, что на таких, как она, не женятся, но не потому, что она шлюха, а потому, что ей муж не нужен, она сама твердо стоит на ногах и богата как сто чертей, и что она нарочно пообещала Шахназарову стать его женой, а на самом деле у нее здесь, в Туапсе, дело, она деловая женщина, а не подстилка...

– У нее и с вашим мужем были дела?

– Думаю, что да, потому что тот вечер, который они провели в ее обществе, сильно отличался от тех, когда его друзья привозили ему девок... Они говорили о каком-то товаре, о поставках, о том, что выгоднее было бы продать сразу весь товар, то есть, объединившись, продать этот товар непосредственно ей, а не ждать откуда-то там покупателя. К тому же, как я поняла, их устраивала цена, которую эта женщина им предложила.

– А что это был за товар, не знаете?

– Нет, конечно... Но не золото, это точно.

– А вам не известно, откуда она приехала?

– Нет, но она, повторяю, светлокожая, то есть если и загорела, то самую малость, из чего я сделала вывод, что она живет далеко от моря, от солнца...

Смоленская, немного подумав, достала сложенную вчетверо копию фотопортрета девушки, погибшей в С., на Набережной – черно-белый факсовый вариант с расплывчатыми очертаниями, – и протянула Карине.

– Это, случайно, не она?

Карина молча смотрела на портрет и качала головой. Затем перевернула вверх ногами:

– Похожа на нее, но это что – труп? Почему у нее закрыты глаза и черные потеки из носа?

– Да, это труп.

Карина вернула портрет и снова покачала головой:

– Да уж, теперь-то я точно знаю, что с моим мужем случилась беда... – Слезы покатались из ее глаз, а из горла вырвался стон. – Господи, да что же это такое?..

– Вы извините, но мне надо позвонить... – Смоленская чуть тронула ее за плечо.

Карина провела Смоленскую в дом, где в прохладе и янтарном сумраке огромного холла, рядом с креслом, на настоящей мраморной тумбе стоял телефон.

– Николай? Это Катерина Смоленская. Мне сейчас в голову пришла одна мысль. Ведь ювелирный магазин находится рядом с библиотекой, верно? Вы были там? Опрашивали работников библиотеки? Не работает? Почему? Понятно. Так я и думала... Я сейчас приеду.

– При чем здесь библиотека? – Карина стояла за спиной гостьи и громко и часто дышала. – Она не работает уже больше года – там мало платят, поэтому никто туда не идет. Да и здание само в аварийном состоянии... Что вы хотите там искать?

– Я думаю, что вы и сами знаете... – Катя посмотрела в глаза Карины. – Вы давно увлекаетесь этим?

И Карина не успела ничего предпринять, эта стриженная блондинка схватила ее за руку и задрала рукав платья. Бурые, почти черные пятна на сгибах и следы укусов на коже говорили сами за себя.

– Героин?

– Да. – Карина закрыла лицо руками. – Это он меня приучил, он, а сам не делает этого. Он говорит, что ему со мной интереснее, когда я такая... Посмотрите, я вся в синяках... – Она оголила бедро и показала темно – красную борозду со следами запекшейся крови. – Он зверь, конечно, но я его не убивала...

– Почему вы так испугались, когда я заговорила о библиотеке?

– Я не испугалась. Просто я слышала, что все стены библиотеки сгнили, а у нее с магазином одна стена общая, ее грибок ест... Да и просела она, там трещина... Яша сделал в магазине ремонт, прибил пластиковые панели, но все равно, сказал, стена опасная.

Ее уже всю колотило.

– Вам надо лечиться. Если хотите, я вам помогу. Вы же не бедная, у вас есть деньги, а потому лучшее, что вы сейчас можете сделать, чтобы спастись, это поехать в Москву и найти там человека, который сумеет вас вылечить; я дам вам его адрес... Поедете? Если надо, остановитесь на время у меня... пока здесь все не утрясется. Карина, вы молодая женщина, вам еще сына воспитывать...

– Сына сегодня увезла в горы сестра мужа.

– Они знают про вас?

– Конечно, знают.

– Решайте. Возможно, вашего мужа уже нет в живых, я не могу не предположить этого, тем более что он, как вы и сами сказали, имел здесь, среди местных, вес. Но состояние свое он нажил не золотом, и вы это прекрасно знаете. Туапсе – маленький городок, в котором живут обнищавшие, в недавнем прошлом советские люди; и лишь единицы, успевшие построить на берегу недвижимость и теперь выгодно сдающие квартиры отдыхающим, могут позволить себе такую роскошь, как ювелирные изделия. Вы не знаете, откуда ваш муж получал товар?

– Из Ферганы, – упавшим голосом ответила Карина.

Глава 4

Светлана Мальцева, так звали подружку Веры Холодковой, сразу впустила Изольду с Чашиным к себе в квартиру, провела на кухню и, предложив им сесть, устроилась напротив с сигаретой в руке. Высокая, худая, с длинными прямыми волосами соломенного цвета и сильно набеленным пудрой лицом с пятнами нездорового малинового румянца на высоких скулах, в широком, стянутом шелковым шнурком розовом халате, она смотрела на незваных гостей большими прозрачными серыми глазами, в которых крупными чернильными каплями застыли черные зрачки, и нервно качала головой.

– Чаю хотите? – спросила она. – У меня и кофе есть, и молоко...

– Да нет, Света, спасибо, – мягко отказалась Изольда, осматривая уютную и чистенькую кухню с геранями на подоконнике, оранжевыми веселыми занавесочками на окнах и вычищенными кастрюльками на плите. – У вас здесь хорошо.

– А вы что думали, если я проститутка, то у меня кругом грязь? Да мне эта квартира досталась кровью и потом, так неужели я превращу ее в свинарник? Ну да ладно, вы же не обо мне пришли толковать... О Вере. Мне до сих пор не верится, что ее уже нет. Но предупреждаю сразу: я ничего о ее смерти не знаю – ни причины, по которой она могла бы выброситься из окна гостиницы, ни того, кто помог бы ей это сделать. Вера была не болтушка, умела держать язык за зубами, а потому в этом плане на нее всегда можно было положиться. Я имею в виду, – она сделала паузу и внимательно посмотрела Изольде в глаза, – что она никогда и ни за что не стала бы никого шантажировать. Что касается денег, то они у нее, безусловно, были, но не такие, ради которых можно было бы ее убить, тем более что они наверняка хранились у нее дома, а не в гостинице и уж, конечно, не в сумочке...

– Скажите, Света, откуда у Веры это странное желтое платье? – спросила Изольда, тоже закуривая. – Это ее платье?

– Платье прикольное, чумовое, неформальное... Я сначала не поверила, что Верка отдала за него такие бешеные бабки: потратилась на дорогую ткань, английскую сетку, заменяющую ей подкладку, на портниху... Она срисовала этот фасон не то с какой-то американской киноактрисы, не то с нашей местной артистки, с которой Вера хоть и не была знакома, но много рассказывала мне о ней...

– Вы можете назвать ее имя?

– Нет, я не знаю, как ее зовут, но похоже, что эта девица сильно потрепала нервы Верке...

– В смысле?

– У Веры был парень, она его очень любила, но он бросил ее и ушел к этой артистке.

– Артистке? Она что, работает в театре?

– Я думаю, что она работает в основном в постели, но выдает себя за артистку. Вера рассказывала мне про нее разное: что она со сдвигом, любит выпить, что волосы у нее накладные и ресницы тоже, что...

– Она проститутка?

– Не знаю я... – махнула рукой Светлана и отвернулась к окну. – Вера-то могла наговорить про нее всякое-разное, но главное-то я поняла – эта сука увела у нее парня. Причем, не простого сутенера, а человека, с которым у нее все было хорошо, который купил ей и машину, пусть даже подержанную, и шубу, и брюлики...

– Ты знакома с ним? Знаешь его?

– Да кто его у нас в городе не знает?.. – прошептала Света, краснея так, как если бы вдруг поняла, что проговорилась.

– Савелий? – предположила Изольда, имея в виду одного из самых известных в городе преступных авторитетов, молодого парня, сумевшего прибрать к рукам чуть ли не треть города

и сплотившего вокруг себя практически неуязвимую братву. Она вспомнила, что выкрикнула Вера перед смертью: она сказала: «Позови Сару». Скорее всего не «Сару», а «Саву» – производное от Савелия...

Света не ответила. Но ее молчание было красноречивее всяких слов.

– Да, с ним трудно будет побеседовать, если вообще это возможно... – вздохнула Изольда. – Он долго с ней встречался?

– Он ни с кем долго не встречается.

– Это почему же?

– Такой... – пожала она плечами. – Но он бы вам все равно ничего не рассказал, потому что к смерти Веры никакого отношения не имеет. Говорю же, у них все было нормально...

– Послушай, вот ты говоришь, что у них все было нормально, а что это может означать в вашей среде? Разве то, что он не намеревался оставаться с ней долго, можно назвать нормальными отношениями?

– Нормально, значит, он не отдавал ее на забаву своим друзьям и относился к ней по-человечески – дарил подарки, давал деньги, купил шубу... Разве это нельзя назвать нормальными отношениями?

Изольда не сочла нужным развивать эту тему, а потому заставила себя замолчать, чтобы не наговорить этой девице лишнего.

– Света, по-моему, ты что-то недоговариваешь... – вступил в разговор молчавший до этого Чашин. – Наплела здесь с три короба про какую-то артистку, которая на самом деле никакой артисткой и не является, зато увела у Веры ее парня... Но при чем здесь платье? Ты видела эту девушку в желтом платье или же тебе рассказала о нем Вера?

– Девушку я не видела вообще, но видела, как Вера рисовала фасон этого платья и при этом материлась... Казалось, она не понимает, что Сав... что он нашел в этой выскочке... Я думаю, что она хотела одеться так же, как ее соперница, иначе зачем бы она стала заказывать себе это платье?

– Но зачем ей было одеваться как соперница?

– Здесь могут быть только две причины. Первая, это если она хотела понравиться ему и доказать, что и она не хуже этой девицы, то есть показать ему, на что она способна ради него, раз уж ему так нравятся подобные стильные штучки. И вторая – появиться перед ним неожиданно, да так, чтобы он принял ее за ту, другую... Только вот зачем ей это было нужно, я не знаю...

– А ты не могла бы вспомнить, что конкретно Вера говорила о своей сопернице? И с чего ты взяла, что она артистка?

– Знаете, она при мне не произносила ее имени, но называла ее почему-то пташкой залетной, из чего я сделала вывод, что она не местная, а потом вдруг Вера попросила проводить ее в театр, где у нее было какое-то дело, связанное с этой «пташкой». Спрашиваю, какое именно? Отвечает: хочу такое же платье, как у нее...

– Ты проводила ее?

– Проводила. Она попросила меня подождать ее внизу, в холле, ну я и ждала минут двадцать...

– А ты часто ее сопровождала? И вообще, зачем ей понадобилось твое присутствие?

– Она словно боялась чего-то... В ней чувствовалась какая-то неуверенность в себе. Оно и понятно – в театр все-таки пришла, а не в «Братиславу», где знала каждый закуток...

– И что было потом?

– Да ничего не было. Она вернулась в более веселом расположении духа, сказала, что ей надо на рынок, и мы с ней расстались.

– Значит, на рынок она тебя уже не взяла?

– Не взяла.

– Тебе не показалось, что она вела себя как-то странно?

– Она страдала, как вы не понимаете?! – вдруг возмутилась Света. – Ее бросил парень, здесь, пожалуй, поведешь себя странно... Конечно, она была не в себе, и ей было приятно, когда рядом был кто-то из близких. Она такая же нормальная девушка, как все остальные. Сначала я подумала, что она пошла на встречу с этой девицей, но потом до меня дошло, что она могла просто-напросто повидаться с костюмершей в театре и заказать ей такое же платье. Потому что уже через неделю оно было сшито.

– А с чего ты взяла, что платье ей шила именно костюмерша, а не простая портниха?

– Да потому что вспомнила, как Вера сказала однажды, что такое платье по зубам только большому мастеру... Вот тогда я и услышала от нее впервые слово «костюмерша».

Уже на улице Изольда не выдержала:

– Все-таки не случайно она занялась проституцией, честное слово. С ее мозгами можно только таким образом заработать себе на жизнь: спрашиваешь у нее одно, а она отвечает другое... Я так ничего и не поняла. Каждое слово словно клещами тянула...

– А я лично все понял: она нервничает, боится лишнее слово сказать про Савелия, поэтому-то и нагородила всю эту чепуху про костюмершу, про театр... Хочешь, я расскажу тебе, что произошло в восьмьсот третьем номере гостиницы?

– Хочу.

– Ее перепутали с той, другой девицей и выбросили из окна. И если Вера надела это желтое платье для того, чтобы предстать перед своим любовником в облике его новой возлюбленной и таким образом попытаться при помощи слез или ласки вернуть его себе, то человек, нанявший ребят, которые убили Веру, собирался убрать именно ту, другую...

– Но за что?

– Видно, она в чем-то провинилась перед ним. И сдастся мне, что этим человеком и был Савелий...

– Но почему? Ведь он же встречался с ней...

– Ну и что? У них это быстро... Она могла элементарно проговориться, ляпнуть что-то такое, что не понравилось Савелию.

– Это все твои фантазии. А я вот думаю, что в этом вопросе нам сумеет помочь именно костюмерша...

– Может быть... Ну что, куда теперь, к твоему Блюму или Блюмеру?

* * *

В адвокатской конторе Изольде сказали, что Лев Борисович Блюмер уже дней пять как не появлялся здесь.

– Мы же адвокаты, – развел руками немолодой, но аккуратный, строго одетый, при галстукке, мужчина, – свободные люди! Блюмер – адвокат со стажем, у него – клиентура! А что такое клиентура? Это суды, прокуратура, следственный изолятор, изолятор временного содержания, тюрьма, наконец!

– Это вы мне объясняете? – усмехнулась Изольда. – Моя фамилия Хлуднева.

– Изольда Павловна? – Адвокат тотчас вскочил из-за своего стола, чуть не опрокинув телефон. – Рад, очень рад. Вы, драгоценная, поставляете мне основных моих клиентов-убийц, мы бы могли с вами договориться... Я много слышал о вас, о вашем характере...

– Вы набрались, господин адвокат, по самые уши... – Изольда брезгливо оттолкнула его от себя пальцами, словно опасаясь запачкаться. – И это вы называете свободной профессией? Пьете водку с самого утра...

– Как будто вы не пьете...

– Не хамите мне, лучше подскажите домашний телефон и адрес вашего коллеги Блюмера.

В это время в кабинет вошел высокий и сухой, как мумия, человек в сером помятом костюме; увидев Изольду, он поклонился ей в знак уважения:

– Изольда, привет.

Это был адвокат Галицкий. Изольда знала его как одного из самых честных и порядочных адвокатов города, уважала его и всегда, когда представлялся случай, подсылала ему клиентов, о чем он даже не догадывался.

– Господи, как я рада тебя видеть! – Изольда не без удовольствия протянула ему руку для поцелуя. Галицкий, с лицом орангутанга и улыбкой ребенка, сложился пополам, чтобы припасть к ручке гостыи.

Его внешность была настолько обманчивой, что на это бьющее в глаза уродство – непомерно вытянутое лицо, приплюснутый нос, толстые губы, обвислые щеки и близко посаженные глаза – покупались даже самые опытные прокуроры и судьи: казалось невероятным услышать от такой обезьяны сколь-нибудь связную речь. И если в начале судебного процесса Галицкий сидел молча, беспрестанно вытирая в каком-то нервном порыве свои вечно мокрые губы, и по-дурацки улыбался, то когда ему давали слово, вместо ожидаемых воплей примата слышалась речь профессионального опытного адвоката – четкая, лапидарная и одновременно эмоциональная, способная ошеломить аудиторию каскадом неожиданных образов и метафор. Галицкий блестяще парировал все попытки противоположной стороны настроить присутствующих против обвиняемого – настолько искусно он вел психологическую защиту своего клиента.

Такой человек, как Галицкий, мог бы стать одним из самых влиятельных и богатых адвокатов города, если бы не его принципиальная позиция в отношении некоторых судей – он презирал взятки как явление и считал, что адвокаты, марающие руки передачей взяток судьям, лишь позорят себя и подрывают веру людей в правосудие.

– Костя, где Блюмер?

– Тебе понадобился адвокат?

– Да нет, просто по делу...

– Он здесь почти не появляется, только если договорится о встрече с клиентом, а так его днем с огнем не сыщешь. Если хочешь, могу дать тебе его домашний телефон и адрес... И вообще, пойдем-ка лучше ко мне в кабинет, там и поговорим... – Галицкий даже не взглянул на притихшего и тихонько икающего в углу подвыпившего коллегу.

Записав координаты Блюмера, Изольда спросила:

– Ты не знаешь человека по фамилии Мещанинов?

Галицкий пожал плечами, несколько раз утопив свою узколобую голову чуть ли не в грудную клетку. Он был такой странный, подвижный и гуттаперчевый, что Изольда невольно поймала себя на мысли, что никогда бы не согласилась лечь с ним в постель: слишком уж необычен, страшен, напоминает киношных монстров.

– Варнаву? Знаю. Он через Леву продал все, что у него было, чтобы расплатиться с долгами.

– С какими еще долгами?

– Это только слухи, как ты понимаешь, потому что достоверной информацией такого рода навряд ли кто располагает, но, если быть кратким, изволь. У него была любовница, шикарная баба. Не знаю ни имени ее, ни фамилии. Но видел один раз – произвела впечатление. Высокая, рыжая, яркая и сексапильная. Она появилась у нас здесь только однажды, после чего наш Блюмер Лев Борисович чуть умом не тронулся. Захотел ее, юморист. И это при его-то патологической жадности?! Я ему еще тогда сказал – не связывайся с ней. Но как он мне объяснил, она приходила к нему по делу. Ну да бог с ними... И вдруг я узнаю, что Мещанинов дал ему генеральную доверенность, представляешь? Зачем ему, здоровому и умному мужику...

– Это ты про Варнаву?

– Ну да! Вот я и говорю: зачем ему, умному мужику, поручать сделки такого рода хапуге Блюмеру? Хотел его найти и поговорить.

– Ты с ним знаком?

– Конечно, знаком. Я вел несколько его дел по выколачиванию денег из должников...

– Он давно живет в нашем городе?

– По-моему, с рождения. А что случилось? Ты что-нибудь о нем знаешь?

– Да нет, просто не пойму, как это я до сих пор с ним не встретила, раз он такой крупный бизнесмен и все такое... Да еще имя странное.

– Что, Изольда Павловна, – Галицкий перешел на шепот, а глаза его хитро сощурились и заблестели, словно у кота, – агенты твои не доложили тебе про красавца Варнаву? А я тебе так скажу – эта баба решила его ограбить с помощью Блюмера. И будет просто чудом, если окажется, что Варнава сам, лично, дал ему эту самую доверенность...

– То есть?..

– Можно довести человека до беспометства, и он подпишет какие угодно бумаги.

– Эту женщину, случайно, зовут не Елена Пунш?

– Не знаю... Но звучит довольно необычно, я бы даже сказал, красиво. Надеюсь, ее не убили?

Изольда достала из папки фотографию с изображением трупа женщины с Набережной.

Галицкий, увидев, качнул головой:

– Точно! Это она! Она, даже говорить нечего. И платье ее, я запомнил, потому что слишком уж оно обтягивало ее изумительную фигурку, и это сочетание желтого и черного... И давно ЭТО случилось?

– Больше двух недель назад.

– Какая молодая...

– Так где же Блюмер?

– Понятия не имею. В журнале регистраций, во всяком случае, записей о нем нет уже несколько дней.

– Спасибо, Костя. Извини, но мне пора, меня ждут... Если узнаешь или услышишь что-нибудь о Варнаве – позвони мне, но расскажешь только при личной встрече. Вокруг него слишком много клубится всякой нечисти...

Чашин, который в ожидании Изольды уснул в машине и теперь, как младенец, пускал пузыри, слегка похрапывая или даже урча, словно большой очеловечившийся кот, проснулся от звука открываемой двери и хотел было сладко потянуться, но услышал резкое и сухое:

– Гончарный переулок, дом шесть, поехали скорее! Но думаю, что Блюмера, во всяком случае живого, мы с тобой уже никогда не увидим.

* * *

В Адлере я сняла комнату недалеко от пляжа и долго рассматривала ее – просторную, солнечную и заставленную убогой мебелью для отдыхающих, – чтобы найти место, куда можно было бы спрятать сумку с деньгами. Я не имела возможности даже пересчитать их, потому что, где бы я ни находилась, повсюду меня окружали люди; даже на этой, в общем-то, считавшейся приличной «вилле», очевидно, было дурным тоном врезать в дверь замок. Конечно, кто из еще пяти пар отдыхающих, населявших этот дом и наполняющих его топотом босых ног, шумом льющейся из душа воды и с треском жарящейся на сковороде в летней кухне рыбы, польстится на мокрые полотенца, купальники и прочую простую одежду соседей, тем более что золотые украшения и деньги все и всегда, при любых обстоятельствах, носили при себе. Однако деньги, с которыми приехала я, требовали совершенно другого отношения к себе: они были вполне достойны того, чтобы храниться в приличном банке. Но я находилась в Адлере, а не в Цюрихе,

потому надо было действовать сообразно ситуации, то есть каким-то образом держать их при себе или же надежно спрятать поблизости.

Не скрою, что моя поездка на море явилась неожиданностью даже для меня самой; это был из ряда вон выходящий поступок, какие свойственны скорее тринадцатилетнему, запутавшемуся в себе и окружающем мире подростку, нежели мне, взрослому человеку, в прошлом году закончившему биофак университета и более-менее научившемуся отличать хорошее от плохого. Если во мне и присутствовал какой-то незначительный процент инфантилизма, то скорее всего он был внушен мне теткой и матерью, нежели являлся милым сердцу пережитком детства.

Но нет худа без добра – огромное расстояние, разделявшее теперь нас с Варнавой, не могло не излечить меня от любви к нему.

Сколько раз я спрашивала себя, не порядочнее ли было приехать с кейсом к Изольде и, рассказав ей все, что я знаю о цыгане и машинах с вооруженными бандитами, расстрелявшими дом в Свином тупике, отдать ей его, свалив со своих хрупких плеч ответственность вместе со страхом погибнуть из-за этих денег. Но что проку теперь было в этих вопросах, если территориально я находилась в Адлере, а моя тетка – в С.?

Из-за этих проклятых денег я не могла даже принять душ или сходить в туалет. И тогда я приняла решение, какое может прийти в голову только такой легкомысленной особе, как я. Отправившись вместе с сумкой в ближайший магазин, я купила три десятка яиц, положила их в отдельный пакет, а вернувшись «домой», переложила их поверх денег горкой так, что получилась сумка, полная яиц.

Только после того, как деньги были выставлены у всех, можно сказать, на виду, я немного успокоилась, вышла из комнаты с мылом и полотенцем в руках и отправилась в ванную.

Да, конечно, мне удалось сбежать от Варнавы, от Изольды, ото всех неприятностей, которые доставляли мне в последнее время, казалось бы, самые близкие люди, но куда деться от собственных невеселых мыслей? Как жить дальше? Пойти отдыхать на пляж? Да разве можно спокойно лежать и загорать на солнышке, когда в голове такая каша, а глаза постоянно ищут в толпе так сильно любимые мною и одновременно внушающие мне какой-то необъяснимый страх лица?

Стоя под прохладным душем и глотая слезы (теперь они были частыми и неоправданно горькими), я призналась сама себе в том, что боюсь Изольду, что всегда боялась. Ничего бы не произошло, и мне не пришлось бы уезжать из города, если бы я не рассказала ей о Варнаве. Очень жаль, что выводы приходится делать так поздно, когда некоторые события становятся необратимыми и уже ничего нельзя исправить...

Изольда. Что я знала о ней? Женщина без личной жизни, помешанная на работе. Разве еще принять во внимание ее любовь к нашей семье, к маме и ко мне лично? А кого ей, собственно, еще любить, как не нас? Своих-то детей у нее нет, и близких и родных, кроме мамы, – тоже.

Варнава. Его сердце вообще принадлежит другой женщине. Но она то ли жива, то ли умерла пять лет назад. Тут сам черт ногу сломит. И кто же тогда та девушка, которую нашли мертвой на гранитных ступенях Набережной? Как ее зовут? Откуда она? Местная или приезжая? И почему Варнава, увидев ее на фото, потерял сознание? Кто в нас стрелял? Кому принадлежал голос, произнесший вслух это пахнущее могилами и осенними астрами слово «Воскресенское»?

Я могла бы остаться, чтобы помочь Изольде разобраться во всем, если бы не ее пренебрежительное отношение ко мне. А Варнава? Разве это порядочно: переспать с девушкой, которая призналась тебе в любви, а потом, проснувшись утром в квартире ее тетки, спокойно бросить ее, уйти без предупреждения, без записки и даже не найти минутки, чтобы позвонить и сказать пару нежных слов? Да если бы не мы с Изольдой, он бы, может, умер от потери крови или от

заражения. Мы с Изольдой... Как бы не так. Ей доставляло удовольствие делать ему перевязку, касаться его, ощущать на своем лице его дыхание, смотреть ему в глаза... Она готова была съесть его, проглотить вместе с бинтами и джинсами...

Вот оно, то, о чем я боялась говорить сама с собой и что доставляло мне самую жгучую боль: они могли быть вместе ночью, пока я спала...

...Я до боли, забыв о ране на плече, растиралась полотенцем. Третьим лишним я никогда не буду. Пусть они теперь наслаждаются друг другом, а я начну новую жизнь. Стану другой.

Я вернулась в комнату (сумка с яйцами стояла на полу за кроватью и не вызвала никаких посторонних мыслей), распаковала чемодан Елены Пунш и стала примерять одно за другим ее платья. Они были всех цветов радуги. И что самое приятное – на дне чемодана я обнаружила совершенно прелестные, обтянутые парчой туфельки-лодочки на шпильках (явно сделанные на заказ), которые я видела в квартире Варнавы. И рядом – еще пара белых туфелек, совершенно очаровательных, узких и открытых, словно крошечные декольтированные бальные платья.

Елена Пунш явно была девушкой, обладающей собственным представлением о моде. Рассматривая ее вещи, я ловила себя на том, что держу в руках платья и обувь, принадлежащие эпохе сороковых-пятидесятых годов. Определить происхождение ткани, ее возраст (куплена ли она в прошлом, к примеру, году или сорок лет назад) я бы не взялась, поскольку не сильна в подобных вещах, но вот что касается стиля – уж здесь-то я не сомневалась: все они несли на себе отпечаток послевоенной оттепели, но были нарядны и женственны, поскольку диктовались желанием людей того поколения поскорее забыть функциональную одежду цвета хаки. Облегающий силуэт был необходимой деталью одежды, а усложненность кроя придавала платью или костюму элемент роскоши.

Умом я все это понимала и даже успела оценить оригинальность и неповторимость этой самой Пунш, но, с другой стороны, мне не верилось, что современный мужчина мог бы столь же глубоко, как я, постичь штучность как платья, так и женщины в целом. Ведь если отбросить в сторону мою природную объективность и страстное желание понять, в чем же крылся успех Пунш как женщины, то чисто визуально от этих платьев несло нафталином! Нет, на самом деле от них пахло какими-то весьма стойкими горьковатыми вечерними духами, но поройся я в бабушкином шкафу и наткнись на нечто подобное, то первое, что бросилось бы мне в глаза (или скорее всего в нос!), это шарики или таблетки нафталина.

Пока я ломала себе голову над происхождением этих странных платьев (которые мне предстояло теперь спокойно, не опасаясь, что меня увидит Варнава, примерить, чтобы, остановившись на каком-то одном, надеть его и, превратившись в двойника Пунш, выйти в таком виде из дома), в дверь моей комнаты постучали.

Я моментально сгребла все платья и сунула их обратно в чемодан, после чего, запинаясь, произнесла:

– Заходите.

Это была хозяйка – миловидная, чем-то озабоченная женщина.

– Как вы устроились? – спросила она, присаживаясь на стул. – Нормально?

– У вас такая замечательная ванная комната... Мне все нравится, только вот не сориентировалась пока, где можно поблизости найти недорогую столовую или кафе...

– Как выйдете, так увидите целую улицу этих кафе и столовых – на любой вкус. С этим у нас никаких проблем. Вы уже купили продукты... – она кивнула на сумку с яйцами, – ну и правильно: яичница – самое милое дело в такую жару... Вы к нам надолго?

– Как получится.

– Я, собственно, зачем к вам зашла... Ко мне родственница приехала вчера из Мамедовой Щели, есть такое местечко недалеко от Лазаревского. Я не хочу, конечно, никого пугать, тем более что мне это невыгодно, поскольку я же сама хозяйка и заинтересована в том, чтобы мои

отдыхающие чувствовали себя спокойно, но, с другой стороны, что бы я сейчас ни сказала, вы же не сорветесь и не уедете к себе домой...

– А что случилось-то? – Я видела, что хозяйка чем-то всерьез обеспокоена.

– В Мамедовой Щели убили женщину, одну отдыхающую. Кажется, ее удушили. Ну и ограбили, само собой. Знаю только, что она нотариус из Москвы, и все. Вы же понимаете, в какое тревожное время мы живем... Так вот, не показывайте никому своих денег, старайтесь держаться поскромнее, не носите бриллианты. На той женщине было много бриллиантов, это и понятно – приехал человек отдохнуть, почему бы не пощеголять немножко... Хотя, как говорит хозяйка дома, который снимала эта молодая женщина – царство ей небесное! – она, когда выходила на прогулку, бриллианты снимала и одевалась довольно простенько... Но кто-то, наверное, все-таки подсмотрел, а возможно, ее просто «пасли» от самой Москвы. Вы знаете, сколько денег зарабатывают сейчас нотариусы? Развели частные конторы и гребут денежки... Короче, я всех предупредила, чтобы поздно вечером по пляжу не гуляли, особенно это касается молоденьких девушек вроде вас... Аферистов много, не местных, конечно, а приезжих. Они же понимают, что на юг с пустыми руками никто не приезжает.

Рассказанная хозяйкой история не произвела на меня никакого впечатления. От Изольды я знала, что вокруг происходит немало убийств и ограблений. И это в нашем провинциальном городе. А что же тогда говорить про курорты?

– Ну и дела... Спасибо, но я такая трусиха, что вряд ли осмелилась бы гулять поздно вечером по пляжу. Что касается бриллиантов, то у меня их, слава богу, нет. Вы всех предупреждаете таким образом или...

– Если честно, то не всех. У меня здесь три семейные пары, так я за них спокойна. Там такие мужики, что сами удушат кого захотят. Шутка. А вы – девушка молоденькая, симпатичная и совсем одна. Понятно?

Она поднялась и придирчивым взглядом хозяйки, вынужденной сдавать жилище кому попало, осмотрела комнату.

– Ну все, я тогда пойду... Желаю вам хорошенько отдохнуть. А деньги вечером принесете, да? За две недели вперед...

Только теперь до меня дошло, зачем она ко мне пришла: я же еще не заплатила ей! Моя голова до того была занята мыслями о деньгах, с которыми я носилась как с писаной торбой, что я напрочь позабыла о своих святых обязанностях перед хозяйкой.

– Я могу заплатить вам прямо сейчас. – И я с готовностью взяла в руки свой кошелек. – А что, та женщина, которую задушили, гуляла ночью по пляжу?

Хозяйка, ловко пересчитывая полученные от меня деньги, усмехнулась и, не поднимая глаз, ответила:

– Ее удушили прямо в доме, который она сняла полностью и который со всех сторон был окружен высоким забором. И если бы женщина, которая сдала ей этот дом, не зашла к ней, чтобы забрать вентилятор или что-то в этом роде, никто бы и не знал, что она мертвая.

– Кто-то перелез через забор, взломал замок и убил ее?

– Нет. Кто-то, очевидно, находился рядом с ней в ту ночь, скорее всего мужчина, а утром убил, забрал все ценное и спокойно, открыв все замки и запоры, ушел. Мужчинам вообще нельзя верить.

– Удушил голыми руками?

Мне вдруг вспомнились рассказы Изольды о случаях асфиксии, и я задала этот вопрос исключительно из любопытства, не более того... Но вдруг услышала:

– Вы так подробно спрашиваете, как будто вам доставляет удовольствие говорить на эти темы... Ее удушили неизвестно чем, но как-то странно, очень странно... Ее удушили ВСЮ!

– Как это? – не поняла я.

– Никто не знает. Она вся синяя, словно по ней каток проехался, вся кожа синяя от сдавливания. Говорю же, родственница моя приехала, она сама ходила смотреть на покойницу – страшное зрелище. А вы, случайно, не из милиции?

Я пожалала плечами: мне было удивительно, что меня еще кто-то может принять за серьезного человека. И тут, словно из презрения к этой женщине с ее напускным желанием показаться заботливой, которая пришла ко мне лишь из желания поскорее содрать с меня квартплату, да еще и вперед, я вдруг ответила, дав в себе смех:

– Нет, я работаю в морге. Потрошу трупы.

* * *

– Екатерина Ивановна, на что вам далась эта библиотека? – не унимался Николай Рябинин, спускаясь вместе со Смоленской в подвал ювелирного магазина. – Я же звонил в Сочи, разговаривал с руководителем экспертной группы... Следов взлома не обнаружено, отпечатков пальцев – тоже, не нашли даже следов от обуви, разве это не говорит о том, что магазин ограбил кто-то из своих...

– Вы, наверное, имеете в виду Бокалова, так? Думаете, что это он убил Мисропяна и ограбил магазин... Как у вас все просто, Рябинин... А зачем тогда было красть документы? И зачем прятать тело? Да и Мисропян еще может оказаться живым... Не торопите события, а лучше подайте мне руку, я обопрюсь на вас...

Длинный коридор, обшитый дорогими пластиковыми панелями, заканчивался тупиком, по левую сторону которого располагалась бронированная дверь с большим амбарным замком.

– Николай, может, я, конечно, и не разбираюсь в архитектуре, но прежде, чем войти сюда, я обошла это здание кругом, осмотрела все входы и выходы и поняла, что у ювелирного магазина и библиотеки одна стена общая. Так?

– Так, – Рябинин мял в руках план магазина, который они сорвали с противопожарного щита. – Но я пока ничего не понимаю. При чем здесь библиотека?

– Смотрите сюда, – Смоленская ткнула пальцем в план и показала на нем место, где они находились. – Спрашивается, что делает здесь эта дверь, да еще и бронированная, мощная, как в противоатомном бункере, к тому же еще с тяжелым амбарным замком, если по плану за этой дверью находится воздух?..

– Не понял.

Смоленская оглянулась, чтобы посмотреть на человека, который в течение последнего получаса постоянно твердит, что ничего не понимает: как же такого бестолкового взяли в угро? На безрыбье, что ли?

– Объясняю, – терпеливо выдержав паузу, ответила она. – Если мы сейчас пригласим слесаря, который отопрет нам этот замок...

– А может, к нему есть ключ?

– Этого ключа нет... Так вот, если слесарь нам сейчас отопрет замок и откроет дверь, то перед нами возникнет если не кирпичная стена, то... улица. Взгляните внимательно на план. Эта дверь сделана для отвода глаз. Значит, существует ДРУГАЯ дверь, которая должна привести нас, как это ни странно, в библиотеку, поскольку она вплотную примыкает к ювелирному магазину.

– Вы хотите сказать, что грабитель проник в магазин через библиотеку?

Она ничего не ответила, развернулась и медленно пошла вдоль по коридору, осматривая стены сантиметр за сантиметром, пока не поняла, насколько хитер был тот, кто придумал этот бросающийся в глаза дорогостоящий и не имеющий никакого функционального смысла коридор: ни тебе склада, ничего... Возникает вопрос: зачем он? С какой стати такой неглу-

пый хозяин, каким Смоленская представляла себе Мисропяна, так потратился на обшивку его панелями?

– Пойдем сначала от лестницы, ведущей в подвал. Вот смотрите: полы под ногами слегка протерлись, самую малость, видите? Значит, по этому коридору кто-то ходил. Видите царапины? Кто-то тащил по полу что-то тяжелое, сумку, например, или ящик... А теперь идите за мной. – Она сделала несколько шагов вперед, остановилась, потянула носом, затем, оглянувшись и позвав его за собой, пошла дальше; снова сделала несколько шагов и вдруг остановилась, едва ли не коснувшись носом тупиковой стены.

– Смотрите, Рябинин, видите, небольшое углубление, оно слегка загрязнено, как если бы за него кто-то брался рукой...

С этими словами она коснулась пальцем небольшой продолговатой впадины, повторяющей полосатый рисунок панели, и стенка мягко и медленно покатила вправо, открывая вход в небольшой, обитый фанерой бокс уже с вполне нормальной деревянной дверью.

Рябинин от неожиданности даже не нашелся что сказать. Но потом, взяв себя в руки, с чувством произнес:

– Но как вы догадались, что здесь дверь? Екатерина Ивановна, вы что, видите сквозь стены?

– Нет, я вижу людей. Кроме того, стараюсь рассуждать логически. Хотите совет?

Но она не успела услышать его ответ, потому что появившаяся перед ними деревянная дверь оказалась не запертой. Смоленская открыла ее и тотчас очутилась в сыром, пропахшем плесенью и мышами подвале, заваленном грудями полуистлевших книг. Сладковатый запах гнили и разложения ударил в нос, когда они попытались пройти поближе к слабому источнику света – тусклому оконцу в самом углу подвала.

Среди влажной и вспухшей бумажной массы, которая некогда была списанными библиотечными книгами, лежали два тела.

– Это он... Мисропян, это точно он... – услышала Катя приглушенный, словно доносящийся издали голос Николая.

– Следовательно, рядом охранник? Это Бокалов?

– Бокалов...

– А вы старались уверить меня в том, что ограбление магазина – дело его рук... Вы мне лучше скажите, Коля, каким образом они здесь оказались?

И, не дожидаясь ответа, продолжила:

– Я почему-то уверена, что они пришли сюда сами... А теперь скорей на выход... Здесь трудно дышать, так можно и отравиться... У вас в Туапсе есть патологоанатом? Очень уж странные эти трупы – ни крови, ни следов выстрелов, ни веревок на шее... Телохранитель этот только щеку рассек, наверное, когда падал. Ничего не понимаю...

* * *

Екатерина Смоленская была коренной москвичкой, всю жизнь проработала в прокуратуре, семья не нажила, зато врагов – великое множество.

С Изольдой Хлудневой познакомилась много лет назад, когда они вместе вели расследование серии убийств в С. Смоленская была направлена туда из Москвы вместе со следственной группой. Уже в самом конце расследования убийца, приехавший в С., волжский город, из Харькова, ранил Екатерину, и так случилось, что Изольда спасла ее, заслонила своим телом, когда этот зверь, чувствуя, что его загнали в тупик, повторил выстрел. К счастью, на Изольде был бронежилет... Убийцу схватили, но Екатерина еще долго лечила свою рану, а в отпуск всегда приезжала к Изольде в С., чтобы пожить в палатке на берегу реки, половить рыбку, позагорать. Черному морю она в течение последних десяти лет упорно предпочитала именно Волгу.

Схожесть судеб роднила Изольду и Екатерину – обе были одинокие, увлеченные работой женщины, в жизни которых не осталось места семье и, конечно же, детям. Быть может, поэтому, встречаясь, они чаще всего говорили о работе, все о той же грязной и тяжелой работе, которую им приходилось выполнять изо дня в день, из часа в час, и которая постепенно превратила их из вполне нормальных женщин в почти бесполое существа, способные только анализировать ход расследования, пытаться выудить истину. Преступления, с которыми они каждый день сталкивались, не могли не повлиять на формирование характера и степень цинизма, которая увеличивалась год от года и научила их в конечном счете быть более расчетливыми, рассудочными и хладнокровными. И если Изольда по природе своей была более эмоциональна, чем Екатерина, и в ней было заложено больше женского начала, то постепенно и эти качества пошли на убыль. Что проку нервничать, сотрясать воздух и свое тело рыданиями, если это не повлияет на успех дела? К тому же на холодную голову, как любила говорить Смоленская, лучше срабатывала интуиция.

Вот и теперь, в Туапсе, столкнувшись с самым рядовым преступлением, Екатерина очень скоро заскучала – мотив убийства и личности потерпевших были ясны, и оставалось только вычислить убийцу. Ограбление магазина являлось лишь частью плана преступников, ведь Мисропян занимался золотом только для отвода глаз. По сводкам оперативной информации, на побережье в районе между Адлером и Сочи уже давно действовали несколько преступных групп, занимающихся перевозкой и распространением наркотиков, и Мисропян был лишь одним из звеньев этой героиновой цепи. Туапсе – тихий городок, оживлялся лишь в базарные дни, однако метастазы наркобизнеса разрослись настолько, что опутали весь город. Редкий подросток не знал, где в любое время суток можно раздобыть дозу. Через Туапсе проходят поезда, соединяющие юг с центром России, и переправлять товар с помощью проводников или пассажиров стало делом довольно простым, хотя и опасным. Многочисленные санатории города, расположенного у живописных гор на берегу теплого Черного моря, стояли как бы особняком, но кормили довольно значительную часть местных жителей, работающих в обслуге.

Рябинин, вероятно, знавший о деятельности Мисропяна и, быть может, даже получавший у него комиссионные за молчание или конкретную помощь в прикрытии грязного бизнеса, играл вяло и неубедительно, когда старался выказать недоумение по поводу странных подозрений московского следователя Смоленской, так и рвущейся на территорию заброшенной библиотеки.

– Коля, вы не пробовали подсчитать, во сколько сот тысяч долларов обошелся Мисропяну его дом? – спросила Екатерина, едва они поднялись из подвала на улицу и уже оттуда вошли в кабинет покойного директора ювелирного магазина.

– Я не люблю считать чужие деньги...

– Вызовите людей, экспертную группу и будем искать наркотики. Что вы так на меня смотрите? Или вы думаете, что в библиотеке Мисропян хранил чернослив и фундук с арахисом? Такие деньги очень легко вычислить, кроме того, в моей папке имеются некоторые документы, подтверждающие его причастность к одной из самых прибыльных форм незаконной деятельности... к торговле наркотиками. Действуйте, господин Рябинин!

Она улыбнулась одними губами – ей был неприятен этот молодой человек, валяющий целый день дурака и только мешающий ее работе.

– Звоните... – она придвинула ему телефон, и Николай послушно набрал номер сочинской прокуратуры, – а что касается убийцы, то будем работать над последними днями Мисропяна, надо вплотную заняться его поездкой в Лазаревское и опросить всех, кто видел его там и говорил с ним. Знаете, а ведь в одном я с вами согласна...

Рябинин от неожиданности даже опустил трубку на рычаг.

– ...никто из местных, а тем более его коллег по «бизнесу», не посмел бы, именно не посмел поднять на него руку. Иначе этому человеку не жить. Следовательно, убийца – приез-

жий. Турист. Или, как это у вас принято называть, отдыхающий. Так что звоните, а я пока подумаю над тем, что сообщить в Москву...

* * *

В Гончарном переулке было тихо, как может быть тихо только в старинных провинциальных дворах, поросших старыми липами и тополями, под которыми много спасительной тени и свежести и где теплыми летними днями копаются в песочницах маленькие дети, а на скамейках рядом сидят присматривающие за ними взрослые – картинка размеренной спокойной жизни.

Старый, сохранивший строгость линий и даже некую помпезность на фоне однотипных панельных муравейников-девятиэтажек дом номер шесть в Гончарном переулке официально являлся памятником архитектуры. Жить в нем – означало жить в сердце города, среди избранных. Вот и Блюмер Лев Борисович, заработавший себе большую квартиру в этом доме (четыре комнаты, просторная кухня с закутком для прислуги, передняя, где можно при желании поката́ться на велосипеде или поставить кабинетный рояль, а то и бильярд), очевидно, тоже считался избранным, пусть даже он сам себя избрал и поселил в это чудесное, расположенное всего в квартале от городского парка место.

– И что это я не пошла в адвокаты? – вздохнув, Изольда несколько минут постояла возле машины, осматривая уютный двор.

– Вернуться в адвокаты вам никогда не поздно, но в настоящее время заработать себе такую квартиру вы уже навряд ли сможете, – пожал плечами Вадим Чашин.

– Это почему же?

– Гонораров не хватит.

– Ладно, пока что я на своем месте, а потому надо идти. Знаешь, что-то мне не по себе...

– Что, давно трупов не видели? – Вадим понял, что она имела в виду.

Они поднялись, позвонили в квартиру. Им никто не открыл.

– Что будем делать? – спросила Изольда. – Сами попытаемся войти или пригласим слесаря из жэка?

Чашин взялся за ручку, и дверь послушно открылась. Она была тяжелая, металлическая, а за ней оказалась еще одна, уже более простая, деревянная, обитая дерматином с золочеными клепками. Эта тоже легко открылась.

– Лев Борисович! – позвала Изольда, остановившись на пороге в передней. Первые минуты ее пребывания в квартире показали, что никакой борьбы здесь не было: кругом порядок, все вещи аккуратно расставлены и сложены; все основательное, дорогое и даже роскошное, начиная с ковров под ногами и заканчивая высокими зеркалами старинной работы. Антикварная мебель свободно сочеталась у Блюмера с современной компьютерной аппаратурой, телефоном и прочими необходимыми предметами быта и техники. Чувствовалось, что в доме живет человек состоятельный, умный и с фантазией.

– А ведь он жил не один, – сказала Изольда, поднимая с пола шпильку с позолоченным жуком, весело блеснувшим зелеными стекляшками глаз.

В спальне не было туалетного столика, который мог бы свидетельствовать о присутствии в доме женщины, но на прикроватной тумбочке красного дерева стояла большая темная шкапулка из оникса, в которой Изольда обнаружила следы пудры, губную помаду, а также шпильки и пакетики с накладными ресницами и тюбиком медицинского клея.

В ванной тоже было предостаточно предметов женской гигиены, розовый халат, сорочки...

– Вообще-то Блюмер не был женат, – заметил Чашин. – Это я точно знаю. У нас есть один общий знакомый, так вот он рассказывал, что...

– Подожди, Вадим... – Изольда потянула носом и посмотрела в сторону лоджии, дверь которой была слегка приоткрыта. – Я снова чувствую этот запах... Он, верно, там...

Она достала из сумочки носовой платок и поднесла к носу. Медленно пересекла гостиную и вместе с Чашиным подошла к прозрачной двери, ведущей на лоджию.

Посиневший Блюмер с широко раскрытыми глазами полулежал на полу, прислонившись затылком к стене.

– Судя по всему, перед смертью он спокойно разговаривал с убийцей, – рассуждала Изольда, – поскольку в квартире полный порядок, следов борьбы не видно, и уже позже, когда он понял, что ему грозит смерть, стал пятиться спиной к лоджии, чтобы позвать кого-то на помощь, но оступись, упал, поранив себе при этом щеку, видишь, у него на щеке рана... думаю, он порезался об острый угол жестяного подоконника... И много крови... А в остальном – характерные следы удушения... Вот только странгуляционной борозды я не вижу...

Блюмер был одет в темный костюм и белую сорочку, которые теперь едва удерживали в себе распухшее мертвое тело. Окно лоджии было распахнуто и выходило во двор, где внизу, как раз под ней, стояли большие баки с мусором, от которых тоже шло зловоние, – быть может, поэтому соседи никак не реагировали на трупный запах, доносившийся с лоджии адвоката.

– Какой ужас... Умереть вот так. – Изольда бросилась к телефону. – Вадим, только не вздумай открывать дверь. Вот черт, куда я подевала свои сигареты?..

Она прикуривала дрожащими от волнения руками.

– Кажется, его задушили... Вадим, ты видел, что я была готова к ТАКОМУ, ведь так? Но теперь, когда я его увидела, мне стало страшно... И не потому, что Блюмер мертв, а потому, что он был связан с Варнавой, а Варнава – с моей племянницей, Валентиной...

Вадим между тем уже успел вызвать опергруппу. Едва он опустил трубку, как Изольда схватила ее и принялась набирать свой домашний номер.

– В нее же стреляли, вернее, стреляли в Варнаву, на кладбище, ее могли убить...

Она в нетерпении постукивала каблуком по паркету, ожидая вместо длинных гудков характерный щелчок и голос Валентины. Но так и не дождалась. Набрала номер Валентины. Но и там никто не поднимал трубку.

– Она исчезла. Ее нигде нет. Слушай, Вадим, ты остаешься здесь, а я поеду домой, вдруг там что-нибудь случилось... Слушай все, что скажет Желтков – когда это я еще дождусь его официальной экспертизы... У меня душа болит за Валю...

– Да бросьте вы, Изольда Павловна, ничего с ней не случится, успокойтесь... На вас прямо лица нет.

– Будет тут лицо, когда на руках такое чадо... Ты просто не знаешь мою племянницу, она вся в мать пошла – такая же непредсказуемая и влюбчивая, как сто кошек. Варнава... И черт дернул ее поехать на море, а потом сесть именно в этот поезд... Варнава...

Она понимала, что прежде, чем искать Валентину, ей надо бы разыскать Варнаву. Скорее всего Валентина проснулась и помчалась за ним – это как пить дать. Но куда? К нему домой? Так у него же теперь нет дома. Куда?

Утром Варнава во время завтрака сказал Изольде, что поедет на рынок к знакомому, чтобы с его помощью снять квартиру. Но ни имени знакомого, ни какой-либо другой информации, которая позволила бы определить его местонахождение, не оставил. Уж если Изольда, видевшая его последней, не знает, где он, так что тогда говорить о Валентине?

Другое дело, если Варнава, дождавшись, когда машина Изольды скроется за поворотом, вернулся домой, к Валентине... Что ж, это вполне реально. И странно, что эта мысль пришла к ней так поздно.

Больше того, они сейчас могут быть вдвоем где угодно, в квартире Валентины, а то и Изольды, но только не брать трубку. Почему бы Варнаве, этому здоровому мужику, не вос-

пользоваться предоставившейся ему возможностью и не переспать с молоденькой, влюбленной в него Валентиной?

Изольда сначала заехала к себе домой – там никого не было. Затем – со своими ключами – к Валентине. Осмотрела письменный стол, заглянула в ящик, где Валентина хранила все свои документы, и только после этого поняла, что племянница сбежала. И даже не удосужилась оставить записку.

Изольда позвонила в прокуратуру и попросила сделать запрос в компьютерный центр железной дороги и аэропорта, не покидала ли сегодня город Хлуднева Валентина Борисовна. И уже через четверть часа она знала, что Валентина вылетела в Адлер.

Не успев опомниться от этого известия, она вдруг услышала звонок в передней. А когда открыла, то, увидев Варнаву, чуть не лишилась чувств.

– Блюмер мертв, а моя племянница сбежала. И все это из-за тебя! – выпалила она в сердцах.

– Все документы подлинные, даже подпись, но я ничего не подписывал... – ответил ей невпопад, думая о своем, Варнава.

– Да мне плевать на твои документы и на то, что с тобой произошло, происходит и будет происходить... Неужели ты не понимаешь, что втянул в свои разборки мою племянницу? Откуда ты вообще взялся на нашу голову?

Но он, казалось, не слышал ее и продолжал говорить, глядя ей прямо в глаза:

– На фотографии, которую вы показали мне вчера вечером, Елена Пунш. Я знал эту женщину, я любил ее... Валентина вам, наверно, рассказывала об этом. Так вот... Она же не может дважды умереть. Вы понимаете, о чем я говорю. Та могила на Воскресенском кладбище – имеет ли она какое-то отношение к Пунш или женщина, с которой я жил, вообще не Пунш? Помогите мне разобраться в этом, только таким способом я смогу распутать весь этот узел, связанный с ней и моим неожиданным банкротством. Все, что случилось со мной, произошло, как вы сами понимаете, помимо моей воли. Я никогда не имел дела с Блюмером. Сегодня мне дали его адрес, я приехал туда, а там милиция... Собрался народ, сказали, что его нашли мертвым на лоджии. Вы знали об этом?

– Варнава, пошел ты к черту!

Изольда поднялась со своего места и, пошатываясь от усталости и волнения, направилась к выходу:

– Уходи, тебе здесь нечего делать.

– Если вы сможете мне вернуть все, что у меня было, я отдам вам половину.

– Ты, Варнава, мерзавец. Находясь в квартире Валентины, ты говоришь сейчас о чем угодно, но только не о ней. Я же сказала тебе, что моя племянница сбежала, а ты даже никак не отреагировал на это. Заморочил девчонке голову, затащил на кладбище, подставил вместо себя под пулю, а теперь тебя интересуют только твои квартиры и дома? А меня ты решил просто использовать, чтобы я помогла тебе выпутаться из этой грязной истории?

Варнава преградил ей дорогу и, приблизившись к ней и дыша ей прямо в лицо, еле слышно произнес:

– А ночью вы были совсем другой... Изольда... Павловна...

Размахнувшись, она ударила его по лицу, затем еще и еще раз... Брызнула кровь, но это не остановило ее.

– Получай, негодяй!

Глава 5

Я целый день провела на пляже – купалась и спала, растянувшись на жестком лежаке под огромным полотняным зонтом. Небо было нежно-голубым и у горизонта сливалось с морем. Солнце палило и обжигало кожу людей, покрывая ее пузырями и оставляя на месте ожогов некрасивые ярко-розовые пятна на коричневом фоне.

Мысли ко мне возвращались, только когда я входила в воду. Они слетались ко мне вместе с прохладными и упругими струями, разгоняемыми плавно двигающимися руками и ногами. Мне казалось удивительным, что я не тону, что вода, эта зыбкая прозрачная голубовато-зеленоватая субстанция, держит меня в своих объятиях и заботливо выталкивает наружу, когда я, забывшись, перестаю плыть, а просто замираю, расслабляюсь, отдавая свое тело этой кишашей медузами и пузырьками воздуха стихии...

Именно в воде, окунувшись с головой, я впервые подумала о том, что до сих пор не осознала всего произошедшего со мной в эти последние дни. Бог с ним, с Варнавой, и его жеребьячьими играми, в которые они играли вместе с Изольдой, позабыв о том, что за стенкой нахожусь я. Их сознание и совесть выключились вместе с последней лампой в спальне, куда Изольда зашла, чтобы постелить постель Варнаве. Ей почему-то и в голову не пришло оставить нас вдвоем в одной комнате. Мне постелила в одной комнате, ему – в другой. Себе – в третьей. Да вот только ее постель всю ночь оставалась холодной и непримятой...

Но это их дела, их жизнь, их слабость. Меня беспокоило другое: как я оказалась в Адлере? Как могло случиться, что я улетела, даже не оставив тетке записку и не предупредив ее, где я? Такой дерзости от меня не ожидала не только Изольда, но и я сама.

Чувство, что меня кто-то тянет за собой на поводке, возникло еще там, в С., когда я, выйдя из квартиры Изольды, почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд. Я не видела человека, который все это время невидимкой находился со мной рядом, но то, что я не одна, – было очевидным.

Я не помнила, как летела в самолете, потом искала квартиру рядом с пляжем, устраивалась... Моя страсть к Варнаве унялась, словно море после шторма. Даже дышать стало легче. Быть может, это произошло потому, что я его не видела. Не зря же говорят: «С глаз долой – из сердца вон». С другой стороны, стоило мне представить его, такого утомленного и бледного, невероятно красивого и лежащего в постели рядом с Изольдой, сердце мое начинало набирать темп, стучало и kloкотало в груди, подбиралось прямо к горлу и, превращаясь там в ледяной ком, таяло, выбегая из-под ресниц теплыми и обильными слезами... Это была ревность. Это была любовь. Это были злость и обида. Сонм чувств, обрушившихся на мою бедную голову, был подобен сонмищу чудовищ.

Пытаясь вспомнить, испытывала ли что-либо подобное в своей жизни раньше, я пришла к выводу, что это случилось со мной впервые. Возможно, таким образом происходит мое взросление, становление – через разочарование и боль. «Что ж, – думала я, вновь и вновь погружаясь с головой в прозрачную ультрамариновую, пронизанную солнечными лучами бездну, – об этих сильных чувствах написано столько книг и снято фильмов, что, видимо, пришло время и мне испытать все на своей шкуре, а точнее – на сердце. Оно ведь еще такое молодое, здоровое, неискушенное и, конечно же, распахнутое настежь для любви».

Ближе к вечеру, когда я, разомлев от жары и воды и просто валясь с ног от усталости, подбрела к кафе, где пахло костром и жареным мясом (вечный, неистребимый шашлычный запах всех черноморских пляжей), ко мне за столик подсел высокий тощий молодящийся старик, похожий на итальянца, смуглый, одетый в джинсовые голубые шорты и белую батистовую сорочку. Аккуратная и маленькая голова его сверкала на солнце, как серебряный наперсток.

– Значит, так, – заявил он мне с армянским акцентом, – сиди и не двигайся. Попробуешь сбежать еще раз – не доживешь до вечера, а твои кишки будут бултыхаться в морской воде, как рыбы потроха...

Я бы, наверное, поседела от страха (если бы умела) – настолько зло и жестко это было мне сказано.

– В-в-вы меня с кем-то спутали... – проблеяла я, заикаясь и чувствуя, как, начиная от затылка к спине и вдоль по позвоночнику, бегут волны животного, ледяного страха. – Я в-вас н-н-не знаю...

– Даже если бы ты срезала свои волосы, я бы узнал тебя из тысячи... Где то, что ты забрала из библиотеки? Говори, ведь я не шучу. Смерть Мисропяна на твоей совести. – И тут он грязно выругался. – Неужели ты думала, что все вокруг слепые? Ты же не серая мышка... Вставай и иди за мной. В тихом месте, где никого не будет, ты мне спокойно расскажешь, куда спрятала товар. Если будешь молчать, мои ребята заставят тебя говорить, даже если твой рот будет занят чем-то очень горячим. Тем более что ты им давно нравишься, они, можно сказать, всю жизнь мечтали о такой... – тут он снова выругался, – как ты.

Я бы, может, поняла еще, что все это происходит со мной потому, что на мне чужая одежда, которая привлекает вполне конкретных людей, с которыми у Пунш, вероятно, были какие-то общие дела. Но сегодня-то я в белом кимоно, которое мне подарила мама! Это моя одежда! Следовательно, я – это я, а не Пунш, и не собираюсь отвечать за ее поступки.

Но вот здесь моей злости не хватило, чтобы выдать все, что я тогда подумала, этому «итальянцу» вслух – у меня отнялся язык.

Так и не притронувшись к жареной форели, от которой исходил такой дивный аромат, что казалось невероятным уйти вот так, оставив ее на съедение распаренным и смертельно уставшим официанткам-сомнамбулам, я, едва передвигая ноги, поплелась за незнакомцем, проклиная ту силу, которая, я знаю, существовала и которая толкнула меня в спину тем странным, нервным утром, когда я приняла решение лететь в Адлер...

Мы свернули с центральной пляжной аллеи, ведущей к пирсу, и углубились в поросшую густым самшитом аллею, поднялись по узкой лестнице к калитке небольшого каменного дома с решетчатыми окнами, увитыми виноградом, где «итальянец», больно схватив меня за руку, почти насильно втащил на крыльцо, толкнул впереди себя дверь, и я оказалась в прохладном темном помещении, пахнувшем то ли сыростью, то ли грибами. Как и у людей, у каждого дома есть свой неповторимый запах. Так вот, теперь ЭТОТ запах вызывает у меня только страх. Ведь что может быть страшнее неведения?

– Ты же не станешь отрицать, что весь прошлый месяц провела здесь, на побережье? – спросил меня сильным, с хрипотцой, голосом незнакомец, грубо усадив в низкое широкое кресло, стоявшее в уголке утонувшей в зеленоватом сумраке комнаты, где мы очутились спустя несколько мгновений. Хозяин или хозяйка этого жилища явно были аскетами – ни единой лишней вещи, все самое необходимое, простое и старое: глиняные кувшины на подоконниках, тяжелая на вид самодельная мебель, топчан, покрытый белой овечьей шкурой, пара стульев, часы на стене... В тот момент они, возможно, отсчитывали последние минуты моей жизни.

– Нет, не стану...

– Это ты была четвертого мая с Мисропяном в ресторане «Пирс»?

– Предположим...

Сейчас я, пожалуй, уже могу дать оценку своим действиям: да, я почти призналась «итальянцу» в том, что была четвертого мая в ресторане «Пирс», хотя я там никогда не была и даже не знаю, где он находится; но дело в том, что в любом случае, что бы я ни сказала, выбор был невелик: либо все отрицать и стать жертвой бандитов, принявших меня за ту, по чьей вине что-то случилось с каким-то Мисропяном, либо выиграть время, притворившись той, кого во мне видели, – а почему бы и нет?! – и поводить их за нос, пообещав вернуть какой-то там товар...

Если еще учесть, что нервы мои были на пределе и голова, естественно, после целого дня, проведенного на солнцепеке, соображала весьма слабо, то, очевидно, я приняла правильное решение, выбрав политику соглашательства. Во всяком случае, теперь у меня появился шанс.

– Ты была с Мисропяном?

– Ну и что? Это мое личное дело.

– А что вы делали после ресторана? Поехали к нему домой, в Туапсе? Что ты молчишь? Вы были у него дома или в магазине?

Я ничего не понимала. Какой магазин? Какой Туапсе?

– Молчишь? Ничего, сейчас приедут мои ребята, и тогда ты быстро все расскажешь...

А сейчас раздевайся.

Лицо «итальянца» прямо на глазах розовело, у него изменился даже тембр голоса, стал бархатистее, нежнее, что ли.

– Я понимаю, ты напугана, ты видишь меня в первый раз, но тебе не привыкать... Яша мне рассказывал про тебя, так что не ломайся, ложись... Расскажешь мне все сейчас, отведешь туда, куда спрятали товар из библиотеки, отпущу. Правда отпущу, как птицу... Ты мне не нужна, у меня все равно нет таких денег, какие были у него, и ты найдешь себе другого, но этот товар – мой, понимаешь? Он куплен на мои деньги и привезен сюда моими людьми. Мисропян должен мне, он хотел расплатиться своей женой, но она мне не нужна, мне нужен товар, товар либо деньги...

Говоря все это, он возбудился и теперь, полуодетый, пытался опрокинуть меня на топчан, давил сильной мускулистой рукой мне на плечо, пока я не выдержала и не откинулась назад, на овечью шкуру. Воспользовавшись этим, он свободной рукой распахнул на моих бедрах кимоно и, склонившись надо мной и обдавая меня горячим дыханием, к которому примешивался запах вина и табака, разомкнул мои бедра своим коленом.

– Я скажу тебе, где товар, если ты сейчас остановишься, – прошептала я, не желая принять его. Я словно одеревенела, и уже казалось, что это не он набросился на меня, а мои колени зажали его колено и не хотят выпускать. Он был противен мне, я понимала, что такой прилив желания был вызван лишь видом моего полубоженного тела да еще и той необычной обстановкой, в которой мы оказались. Обычное животное чувство – ничего более.

Но он уже не слышал моего голоса, он даже не понял, что я практически СОГЛАСИЛАСЬ сказать ему, где находится его проклятый товар, – настолько он был ослеплен желанием. Он взял меня, как брал меня совсем недавно Варнава – без любви, словно утолил жажду. Его сухое костлявое и жесткое тело оказалось более сильным и, как ни странно, более нежным, чем я предполагала. Однако больше всего меня поразила физиологическая особенность его тела – с таким мужским достоинством он мог бы стать центральной фигурой маркесовских чувственных романов. Варнава по сравнению с ним казался мальчиком.

Мы не заметили, как наступила ночь. «Итальянца» звали Сос.

– Где же твои ребята? – спросила я, когда он принес мне откуда-то холодного вина и домашнего соленого сыра.

– Если тебе мало, то я могу еще, – с готовностью ответил он, промокая свое тело простыней и демонстрируя свою воспрянувшую силу.

А я смотрела на чисто выбеленный потолок, ждала, замерев, прилива новой чувственной волны, грозившей окончательно опустошить меня, и в который раз спрашивала себя, что я делаю здесь, в этом городе, в этом доме и на этом топчане? И кто этот мужчина, так неистово вторгающийся в меня и внушающий мне одновременно страх и ответное желание? И что вообще со мной происходит? За кого меня принимают? И сколько еще мужчин будут проделывать это со мной, пока я не вернусь домой, под крыло своей не менее страстной тетушки, открывшей объятия моему молодому любовнику?

Я бы могла еще долго рассуждать на эту тему, и знаю, что все объяснения моей пассивности выглядели бы более чем убедительными, хотя в каждом слове сквозила бы ложь. Все женщины лгут, и лгут очень много. Ни одна из нас еще никогда не раскрылась ни перед кем полностью. Да, безусловно, обстановка располагала к любви, потому что было очень тихо, в доме, кроме нас двоих, никого не было, за окнами шумел сад, от топчана исходил крепкий запах овечьей шерсти, а от мужчины – аромат табака и виноградного вина; а еще он был грубый, но чудесно грубый, как раз такой, чтобы женщина почувствовала себя униженной... Женщине необходим хотя бы один процент униженности, пусть это будет даже в самом прямом смысле. Как бы то ни было, но Сос оказался прекрасным мужчиной, и я, понимая, что никогда и никто не узнает о том, что произошло здесь, в этом доме, почти сразу же перестала сопротивляться, едва лишь почувствовала его. Возможно, всему виной было его потрясающее тело... Но все равно: прошла ночь, настало утро, и только к обеду следующего дня мы покинули эту комнату, оставив после себя пустой кувшин с каплей вина и несколько сырных крошек на столе.

А на крыльце, зажмурившись от яркого солнца, я призналась ему, что меня зовут Валентина, что я никогда в жизни не видела Мисропяна, не была в Туапсе и не знаю, о каком товаре идет речь.

* * *

Вечером в туапсинскую гостиницу, в которой остановилась Екатерина Смоленская, приехали Павел Баженов из Голубой Дачи и Миша Левин из Мамедовой Щели. Екатерина еще находилась под впечатлением телефонного разговора с Изольдой, рассказавшей ей об исчезновении Валентины и покушении на Варнаву. Собравшись с мыслями, она сообщила коллегам о том, что в подвале библиотеки были найдены трупы Мисропяна и его охранника, – высказала свои предположения относительно того, что библиотека использовалась директором ювелирного магазина в качестве склада для хранения наркотиков, а также поделилась своими планами в отношении Карины.

– Я считаю, что Карина много знает, и это просто чудо, что она еще жива. Она наркоманка. Родственники Мисропяна увезли ее сына, поэтому она сейчас очень уязвима, и в случае, если у нее под рукой не окажется нужной дозы, она рано или поздно выведет нас на свое окружение, то есть ближайшее окружение убитого мужа. А это – прямой выход на наркоторговцев. Кроме того, Карина наверняка знает немало интересного о любовницах Мисропяна, в частности, о молодой деловой женщине по имени Лена. Возможно, что ее появление тоже как-то связано с его смертью. Его убили пятого мая, а четвертое он провел в Лазаревском, вполне может быть, что и с Леной... Хотя дома сказал, что поехал к другу за вином. Николай Рябинин, опер из Сочи, с которым мы спускались в подвал и нашли трупы, уверен, что Мисропяна убили не местные. Видимо, у него есть основания так считать. А что у тебя, Паша?

– Убит богатый человек – хозяин кафе «Ветерок» и оптового склада «Парнас». Зарезан. Его нашли в комнате отдыха кафе «Ветерок», там есть такие помещения в большом доме-пристройке почти на берегу, сдаются за приличную плату. Что-то вроде гостиницы для влюбленных. Так вот, Шахназаров был убит в собственной, им же сданной кому-то комнате. Я опрашивал соседей и всех, кто проходил в этот день и в это время мимо, и почти все видели двух лилипуток, двух немолодых блондинок, похожих, как близняшки.

– Очевидно, ты получил все эти ответы на вопрос: «Не заметили ли вы чего-либо необычного?» – улыбнулась Смоленская. – А лилипутки, конечно, необычные люди. Но я не думаю, что это они зарезали Шахназарова. Он молод? Красив?

– Да. А откуда ты знаешь?

– Мисропян тоже красивый. И охранник тоже. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что во всем этом замешана женщина. Возможно, ею пользуются как приманкой... Я вдруг

вспомнила про убийство московского бизнесмена Князева. У него в папке с документами нашли фотографию девушки (или, во всяком случае, очень похожей на нее), которая разбилась на Набережной в С. Я понимаю, что мои предположения могут показаться притянутыми за уши, но слишком уж много совпадений за последние пару недель, и все, представьте себе, вертится вокруг одной и той же дамочки. Мне позвонила Изольда Павловна, это моя приятельница, она работает следователем С-ской прокуратуры, и рассказала совершенно невероятную историю о девушке, которую зовут Елена Пунш. Ее племянница влюбилась в одного парня со странным именем Варнава, а тот, оказывается, был влюблен в эту самую Пунш и даже сожительствовал с ней. Но она исчезла, а спустя какое-то время этот самый Варнава оказывается на кладбище и видит там могилу Елены Пунш, причем с фотографией именно той девушки, с которой жил... Так вот, дата смерти на фотографии – пятилетней давности. То есть Пунш умерла в 1994 году. А исчезла она из-под носа Варнавы всего месяц назад и была как две капли воды похожа на девушку, которая разбилась на набережной в С. Ну как вам история?

– История интересная, да только я не улавливаю связи между ней и убийствами на берегу Черного моря, – проворчал уставший Паша и растянулся на свободной кровати. – Мне бы сначала поужинать, а потом уже можно и порассуждать. Если честно, то у меня в голове – полный вакуум. А что у тебя, Миша?

– У меня вообще полные непонятки. Молодая женщина задушена в доме, который сняла. Разумеется, ограблена. Никто ничего не знает. Судя по всему, она была довольно богата, поскольку одна сняла целый дом на берегу моря, с хозяйкой расплачивалась долларами, у нее было много бриллиантов... Я не уверен, что все убийства, совершенные на побережье, как-то связаны между собой. Единственное, что их роднит, если можно так выразиться, так это время – май 1999 года – и то, что они скорее всего произошли на почве ограбления. Если только предположить, что действовала банда... поскольку все это происходило между Адлером и Сочи, рядом...

– Каким образом она была удушена? – спросила Смоленская.

– Вот тут-то и начинаются странности. Медэкспертиза будет готова, как я понимаю, еще не скоро, но результаты предварительного осмотра показали, что не исключен сердечный приступ и что удушена она была – только не удивляйтесь – после смерти. И удушена каким-то невероятным способом. словно ее прижали чем-то тяжелым, сдавили... Она вся синяя. На море приехала одна. Хозяйка, которая живет поблизости и, как я понял, присматривает, а то и подсматривает за теми, кто снимает ее дом, утверждает, что Лариса (так звали убитую) – женщина скромная, тихая, что никто из посторонних к ней в дом не приходил, да и сама она только несколько раз спускалась вниз, к магазину или в кафе. В саду оборудован бассейн, и Лариса почти весь день проводила в воде, купалась, спала под деревьями на кушетке... Хозяйка говорит, что Лариса приезжает к ней отдыхать уже третий год. Человек она необщительный, мало что о себе рассказывает. Но, судя по всему, она не замужем, детей тоже нет. Работает в Москве, в нотариальной конторе.

– Очень странно. Если ее убили с целью ограбления, значит, кто-то знал, что у нее есть деньги и драгоценности. А кто это может быть? – задумчиво проронила Смоленская.

– Если она приезжает в тихую и скромную Мамедову Щель уже третий год, то о том, что у нее водятся деньги и драгоценности, могут знать все, кто живет поблизости и общается с хозяйкой. Или же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.